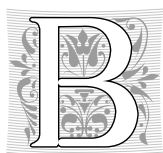

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.009

А.В. Ганин

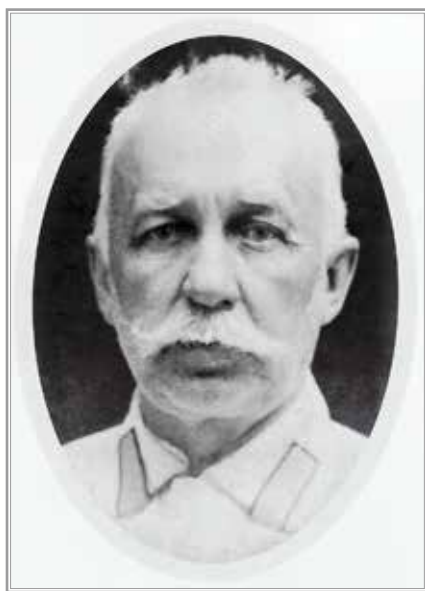
«Горя так много...». Военный ученый А.Е. Снесарев и репрессии начала 1930-х гг.

1930–1931 гг. в СССР среди целого ряда процессов, направленных против «вредителей», развернулось и так называемое дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации или дело «Весна», фигурантами которого стали, прежде всего, бывшие офицеры, служившие в Красной армии.

Практически весь комплекс архивных документов (3276 томов) по этому делу хранится в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве, куда он был передан в 1957–1965 гг. из Комитета государственной безопасности СССР. В Москве, в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России остались тома следственных материалов по А.Е. Снесареву и А.Х. Базаревскому. В отношении Снесарева это связано с тем, что его дело по «Весне» оказалось присоединено к материалам дела «Русский национальный союз» (РНС), фигурантом которого он также являлся¹. Часть копий и выписок из архивно-следственных дел была любезно предоставлена мне внуками генерала А.А. Комиссаровой (Снесаревой) и А.А. Снесаревым, за что выражаю им глубокую благодарность, а сами выписки еще в советское время делала дочь Снесарева Евгения Андреевна. Позднее мне довелось

¹ Дело Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ) в отношении Снесарева имеет номер Р-40164. Старый номер — 546836. Т. 78 с документами по делу «Весна» получил нумерацию 46 по делу «РНС». Позднее нумерацию изменили на 4а.

А.Е. Снесарев накануне ареста. 1929 г.

ознакомиться с документами дела Снесарева² и сверить имевшиеся выписки с оригиналами. Кроме того, немалое количество связанных с делом материалов удалось выявить в делах других фигурантов «Весны». В сочетании с материалами семейного архива Снесаревых, среди которых особую значимость имеют дневники Андрея Евгеньевича, и неопубликованными воспоминаниями Е.А. Снесаревой, содержащими ценные подробности той напряженной борьбы, которую семья вела за освобождение Снесарева, это позволило реконструировать историю ареста этого выдающегося отечественного военного деятеля³.

Материалы архивно-следственных дел — важный и сложный исторический источник. Документация дела «Весна» как источник обладает своей спецификой, которую мы уже анализировали, выделив как достоверные материалы, так и явный вымысел⁴. С учетом этого с неизбежной

² ЦА ФСБ. Д. 40164. Т. 3, 4, 4а.

³ Кратко история ареста Снесарева изложена в: *Ганин А.В.* «Клим!.. Можно было бы заменить Снесареву высшую меру...» Выдающегося военного ученого и отца шестерых детей сделали главой военного заговора в Красной армии // *Родина*. 2018. № 3. С. 122–125.

⁴ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Комплекс документов по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» как источник по истории русского офицерства послереволюционного периода // *Вестник архивиста*. 2016. № 4 (136). С. 225–240.

осторожностью проанализируем материалы дел в отношении А.Е. Снесарева.

Крупный военный ученый, бывший генерал-лейтенант старой армии, военный специалист РККА, профессор Военной академии РККА Андрей Евгеньевич Снесарев (1 декабря 1865 — 4 декабря 1937) был одним из основных фигурантов дела «Весна». Работники Особого отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) сочли 65-летнего бывшего генерал-лейтенанта, отца шестерых детей и Героя Труда убедительной кандидатурой на роль главы Всесоюзной военно-монархической контрреволюционной организации, якобы существовавшей с первых лет советской власти и включавшей около трех с половиной тысяч членов⁵.

Что же было на самом деле? Уже в 1920-е гг. шел процесс замыкания «бывших» в своем кругу, что связано с их сложным положением в советских условиях (в чем-то схожие процессы шли и в среде русской военной эмиграции). На фоне бытовых неурядиц в среде бывших офицеров распространились ностальгические воспоминания о прежней жизни и ее идеализация, этим людям важно было обсудить свое неоднозначное положение в советских реалиях, ощутить дружескую поддержку тех, кто оказался в такой же ситуации. Эти потребности реализовывались через общение со старыми товарищами, такими же бывшими офицерами, оказавшимися чужими в своей стране. Общение проходило в виде встреч с застольями и возлияниями либо посредством переписки. В домашней обстановке «бывшие» по торжественным случаям (День святого Георгия, полковые праздники, семейные торжества) надевали свои дореволюционные награды и предметы униформы. Иногда даже готовилась выпечка с прежней символикой (например, крендель с Георгиевским крестом на вечерах у Снесарева)⁶. Это было своеобразной внутренней эмиграцией, способом ухода от гнетущей советской действительности.

Взаимодействие бывших офицеров попадало в поле зрения органов госбезопасности, державших эту группу лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. А.Е. Снесарев и его окружение с середины 1920-х гг. находились под надзором ОГПУ в рамках агентурно-наблюдательного дела «Генштабисты», в котором

⁵ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1. Л. 1, 2.

⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (54). Л. 119.

Дом на Воздвиженке, в котором проживал А.Е. Снесарев перед арестом.
Фото А.В. Ганина. 2015 г.

фигурировали более сотни человек, включая будущего Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского⁷.

Через широкую сеть осведомителей ОГПУ было хорошо известно о встречах у Снесарева и даже о содержании происходивших там бесед. «Бывшие» обсуждали вопросы внешней политики СССР, экономического положения, порой высказывали несогласие с политикой по ряду вопросов и недовольство отношением властей к военспецам. Присущая русским офицерам инертность и пассивность наряду с возникшей в советских условиях разобщенностью и подозрительностью не позволяли в недовольстве советским режимом зайти дальше обывательских разговоров. Агентурное наблюдение не выявило каких-либо данных об организованной контрреволюционной связи между объектами надзора. Впрочем, в 1930-е гг. достаточными для арестов и вынесения расстрельных приговоров становились даже ничего не значащие беседы.

Материалы наблюдения легли в основу обвинений по делу «Весна». Таким образом, органы госбезопасности, с одной стороны, работали на упреждение возможных заговоров, а с другой — сами фабриковали дела о них в своих или указанных партийным руководством целях.

⁷ Подробнее см.: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 380–384.

Ордер на арест А.Е. Снесарева. ЦА ФСБ

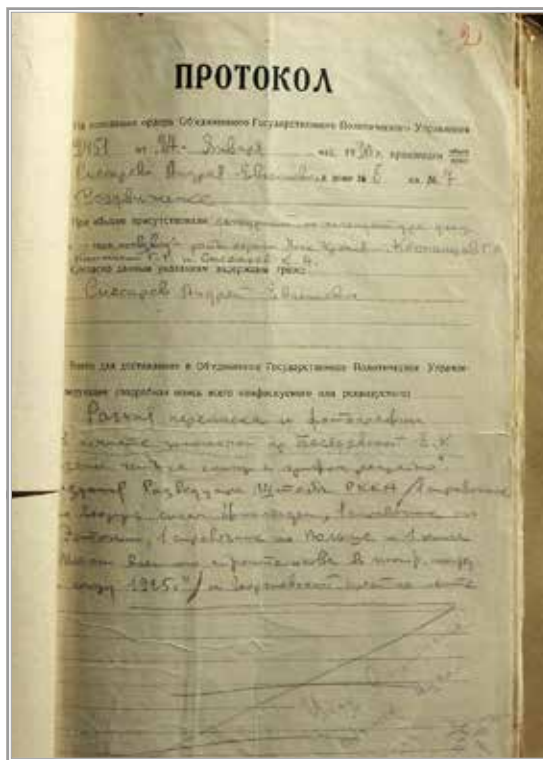
Снесарева арестовали у него на квартире в Москве, на Воздвиженке (д. 6, кв. 7), где он жил с супругой, шестью детьми (включая трех маленьких) и родителями жены⁸. Арест произошел 27 января 1930 г. по делу контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз». При аресте изъяли переписку, фотографии, четыре книги с грифом «секретно», изданные Разведупром Штаба РККА, а также орден Святого Георгия на ленте⁹. Судьба изъятого неизвестна.

Дочь Снесарева Евгения вспоминала: «Вечер 27 января 1930 г. был обыкновенным вечером. Дети – маленький Андрюша и близнецы Юра и Саша, а также бабушка крепко спали. От мамы только что ушла ее приятельница – Ирина Викторовна Свечина, было 11 часов вечера. Вдруг раздался звонок. Кира, старший брат, пошел открывать, думая, что Ирина Викторовна что-то забыла. На пороге стояла группа военных.

Папы еще не было дома. Он с дедушкой был у С.М. Федорова. Потом он говорил, что, поднимаясь по лестнице, он увидел у двери трех солдат и сразу все понял.

⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 94.

⁹ Там же. Т. 4. Л. 2.

Протокол обыска. ЦА ФСБ. Публикуется впервые

Вошедшие предъявили ордер № 2451 от 27 января 1930 г., подписанный зам. председателя ОГПУ Мессингом, и начали обыск; его производил Вунштейн (комиссар Оперода). Поскольку дом, в котором мы жили, находился в стадии передачи Кремлевской больнице, то при обыске присутствовал дежурный по комендатуре Санупра Кремля Г.А. Кропанцев, в качестве понятых были взяты Г.Р. Капнист и Е.К. Бесядовская¹⁰, жившие дальше по коридору.

Папа и дедушка¹¹ возвратились около половины первого. Папе было велено сидеть в центре комнаты, ни с кем не разговаривать; остальные сидели по углам.

Обыск шел всю ночь. Около 7 час. утра папин кабинет запечатали печатью 55, а его самого увезли.

Утром мама послала меня к П.П. Сытину. Это был товарищу папы по выпуску из Николаевской Военной Академии Генерального штаба и бывший во время Гражданской войны военруком Южного фронта,

¹⁰ Согласно протоколу обыска еще одним понятым был сын арестованного К.А. Снесарев, а не Е.К. Бесядовская (Там же).

¹¹ Тестя А.Е. Снесарева бывший генерал-майор В.Н. Зайцев (подробнее о нем см.: Галин А.В. Загадка старой фотографии // Старый Цейхгауз. 2014. № 1 (57). С. 35–37).

с которым у Сталина был в свое время жесточайший конфликт, закончившийся удалением Сталина с Южного фронта. Маме с ним нужно было посоветоваться.

Начались поиски Андрея Евгеньевича по всем тюрьмам Москвы. В это время шли большие аресты и к окошечкам справочных бюро выстраивались длиннейшие очереди. Ответ был неизменно однозначным: “У нас не значится”. Однако все это время он находился во Внутренней тюрьме на Лубянке. Мама все время к кому-то ходила, где-то хлопотала, к кому-то обращалась.

Примерно через месяц Справочная Внутренней тюрьмы ответила: “Он у нас” и приняла “для з/к Снесарева деньги в сумме 10 руб.». Теперь начали принимать на его имя деньги, то 10, то 5 руб. и изредка говорили “Разрешена передача”¹².

На первом допросе 28 января 1930 г., проведенном следователем С.Г. Гендиным, Снесарев показал: «Примерно в 1924–1925 гг., бывая у Бруилова, как-то в одно из посещений у нас возник разговор, по его инициативе, следующего порядка:

“Вот мы живем, втянулись в обыденную жизнь и совершенно не рисуем себе более сложных возможностей, а, допустим, что наступит анархия, к нам будут обращаться как к людям известным, будут искать у нас советов, указаний, а мы сами над этим не задумываемся, надо же нам об этом подумать”.

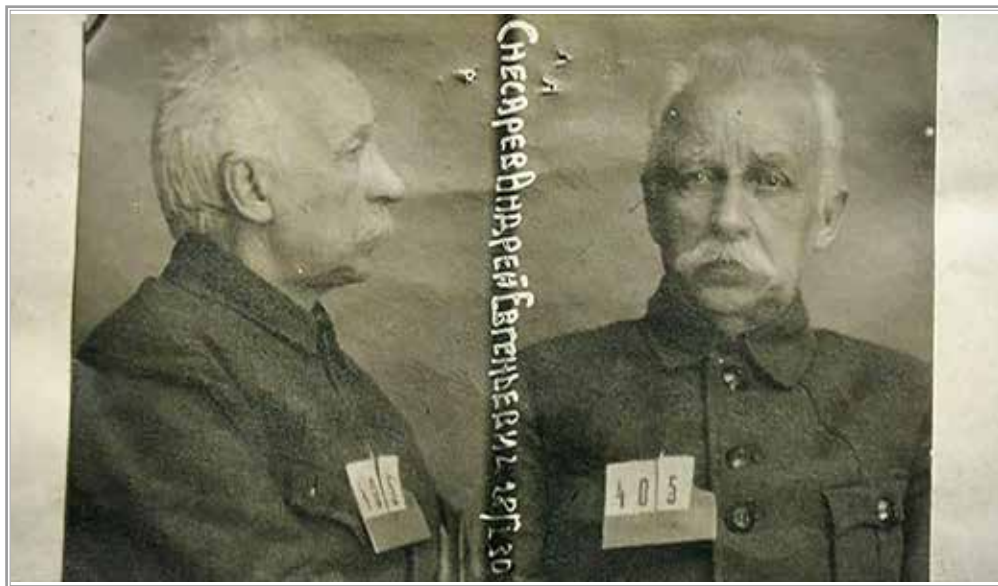
Насколько я помню, при этом присутствовал быв[ший] князь Эристов, находящийся сейчас за границей, и кто-то еще, кого вспомнить сейчас не могу. Эта мысль, видимо, угнетала Бруилова давно и наболела у него на душе, т.к. говорил он это весьма горячо. Не могу сейчас вспомнить, из чего Бруилов исходил, допуская возможность и неизбежность анархии, но во всяком случае этот разговор я лично понял как желание его поделиться с нами впечатлениями на эту тему, желание услышать наше мнение по этому вопросу.

Так как это было давно, я сейчас не вспоминаю каких бы то ни было комментариев по затронутому Бруиловым вопросу, и вопрос этот как-то сам собою прекратился»¹³.

В начале следствия Снесарев категорически отрицал свою вину и утверждал, что не занимался антисоветской деятельностью. Показа-

¹² Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых (Москва).

¹³ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 6.

А.Е. Снесарев. Арестантское фото. 28 января 1930 г. ЦА ФСБ

тельно, что при допросе 17 февраля 1930 г. он даже не знал ни о каком «Русском национальном союзе»: «Я этого в данное время не помню. Не исключаю возможности, что разговор об этом у меня с кем-либо был. Об этом я постараюсь хорошо вспомнить и сообщить»¹⁴. Проговорки о том, что ни о какой организации он не знает, проскальзывают и в дальнейшем. В частности, 21 февраля Снесарев показал, что «17-П я впервые услышал слова и мало догадался о связанных с ними понятиях. Раз не помогает память, мне остается только прибегнуть к логике и приему косвенных соображений»¹⁵. «В 64 года, т.е. почти завершая жизнь, прослужив советской власти 12 лет, явившись одним из организаторов и устроителей этой власти, т.е. человеком истории, я не могу и не должен сомневаться при открытых попытках погубить или расша[та]ть то советское гнездо, на котором видна печать и моего личного творчества»¹⁶. На допросе 13 марта 1930 г. он повторил: «Я всегда работал с полным напряжением и не щадя своих сил для той власти, которую добровольно выбрал 12 лет назад, и я никогда не могу быть и не буду пред нею преступником»¹⁷.

Допросы вел следователь А.М. Гири́н. 10 марта Снесарев дал показания о праздниках георгиевских кавалеров, которые отмечались награ-

¹⁴ Там же. Л. 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 31.

¹⁷ Там же. Л. 86. Также см.: ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3245 (250). Л. 128.

жденными преподавателями Военной академии РККА с 1919—1920 гг. Сначала такие собрания организовывал Д.К. Лебедев, затем сам Снесарев (трижды) и Е.М. Голубинцев (в 1926 г.). В показаниях отмечалось, что на встречах велись политические разговоры¹⁸. На одном из празднований присутствовал и бывший генерал А.А. Брусилов. По первоначальным показаниям Снесарева, данным 27 февраля 1930 г., Брусилов не играл какой-либо политической роли, а лишь «доживал свой век военного»¹⁹. На последующих допросах речь шла и о других встречах с участием Брусилова и гражданских лиц.

Уже 13 марта Снесарев «признался», что «был лицемерен» в оценке собраний у Брусилова как невинных встреч мечтателей²⁰, подробно рассказал о встречах, отметив, что они носили контрреволюционный характер, раскаивался, просил милосердия и возможности продолжить научно-педагогическую деятельность²¹. Тогда же в деле появились материалы о том, что на собраниях организации он якобы заявлял: «Положение советской власти безнадежно. Но она должна быть добита. Внутренняя обстановка неблагоприятна для нанесения советской власти серьезного ущерба: крестьянство недовольно, но разрозненно и бессильно, культурная часть населения придушена... изнутри рассчитывать не на что. Но слабость советской власти обязательно пробудит оживление вне и, в первую голову, среди нашей эмиграции и белогвардейцев, а на помощь им пойдет и Европа, которая, конечно, не упустит момента свести старые счеты с “большевиками”. При слабости советской власти движение армий будет молниеносным, а при вступлении их в наши пределы крестьянство пойдет им на помощь. А за этим неизбежно появление военного диктатора»²².

16 апреля 1930 г. Снесарева уволили из армии.

На следующий день супруга арестованного написала письмо народному комиссару по военным и морским делам К.Е. Ворошилову: «Мой муж, профессор Андрей Евгеньевич Снесарев, уже почти три месяца как арестован.

Совершенно не зная за ним какой-либо вины и не имея возможности выяснить причины его ареста, обращаюсь к Вам, как к главному начальнику и кроме того лично знающему моего мужа, с просьбой об

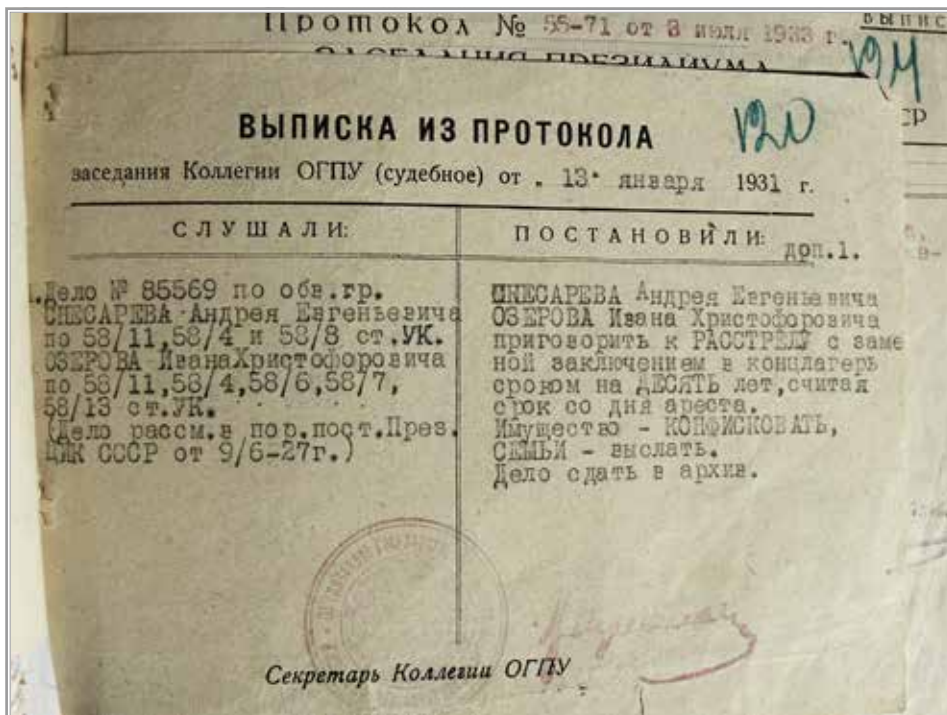
¹⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 72—73.

¹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰ Там же. Л. 81.

²¹ Там же. Л. 86 об.

²² Там же. Л. 85—85 об. Также см.: Там же. Т. 3. Л. 50—51.

Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ, вынесшей приговор А.Е. Снесареву.
ЦА ФСБ

ускорении разбора его дела и его скорейшей реабилитации как человека, с первых дней Октябрьской революции добровольно поступившего в ряды Красной армии и принимавшего активное участие в ее организации.

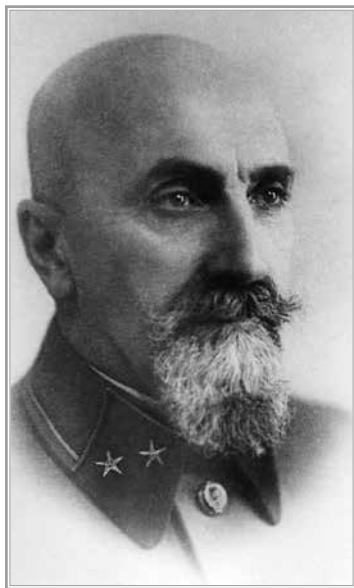
В 1918 г. в качестве военрука он участвовал в обороне Царицына.

В 1919 г. командовал завесой Зап[адного] фронта, Бел[орусско]-Лит[овской] и 16 ар[миями] Зап[адного] фронта.

В 1919–1923 гг. был начальником Военной академии Р.К.К.А., а д[алее] нес профессорскую и военно-научную [службу] в военных академиях, за что к X годовщине Красной армии был награжден званием “Героя Труда”, а в последнее [время] был старшим военным руководителем.

Моральное потрясение, пережитое семьей, усугубляется еще и продолжающимся содержанием под стражей, которое тем самым лишает семью единственного кормильца и повергает ее в тяжелое материальное положение.

Семья, которую содержал мой муж, кроме меня состоит из стариков родителей, двух безработных сыновей, недавно закончивших учебные заведения и четырех несовершеннолетних детей, из которых младшему 1 ½ года.

Александр Николаевич Де Лазари

Надеясь на Ваше доброе и беспристрастное отношение к судьбе моего мужа, еще раз прошу не отказать в проявлении Вашей гуманности к его семье принятием участия в скорейшей ликвидации этого тяжелого недоразумения»²³.

Ворошилов не оказался безучастным и переслал копию письма заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде с сопроводительным обращением: «Посылаю копию письма, полученного мною от жены проф. Снесарева.

Я думаю, что целесообразно поставить вопрос об его освобождении, принимая во внимание его старость, а также то, что проф. Снесарев работает над окончанием своей важнейшей работы об Индии.

Прошу не отказать сообщить мне Ваше мнение и решение. Об освобождении можно говорить, разумеется, если вина С[несарева] не столь велика, а роль в раскрытой организации не являлась первой»²⁴. Однако следователи считали иначе и представляли Снесарева главой организации.

Семья Снесаревых оказалась в бедственном материальном положении. Супругу и детей Снесарева стали увольнять с работы. Как вспоминала дочь Андрея Евгеньевича, «с работой нам было очень трудно. Маму никуда не брали, а если она куда-то и поступала, то через неделю-дру-

²³ Архив семьи Снесаревых. Частично опубл. в: Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 437.

²⁴ Архив семьи Снесаревых. Также см.: Будаков В.В. Генерал Снесарев. С. 438.

Александр Иванович Тодорский

ую увольняли; я задерживалась на месяц-полтора, потом снова искала работу»²⁵. Семью арестованного начали избегать некоторые прежние знакомые. Другие, как, например, видные советские военные деятели А.Н. Де Лазари и А.И. Тодорский, наоборот, их всячески поддерживали.

По мере разрастания дела атмосфера накалялась. В 1930–1931 гг. были арестованы многие военные педагоги и ученые, друзья Снесарева. Ознакомившийся с делом Снесарева историк спецслужб А.А. Зданович отмечал, что показания Снесарева совпадали с материалами агентурно-наблюдательного дела «Генштабисты» (в настоящее время недоступно для исследователей) и разработки по РНС²⁶. Во главе РНС, как утверждало обвинение, стояли уже умерший к тому времени бывший генерал А.А. Брусилов, пенсионер профессор И.Х. Озеров, бывший полковник, военный востоковед, профессор М.Г. Попов, врач В.Р. Захаров, инженеры В.А. Барнашвейлев и А.А. Савин, а также сам Снесарев²⁷.

²⁵ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

²⁶ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 390–391.

²⁷ Подробнее см.: *Онегина С.В.* Дело «Русского национального союза» // Кентавр. 1994. № 6. С. 91–105. Часть документов дела опубликована в кн.: *Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг.* М., 2005; *«Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.).* М., 2008. Т. 8. Ч. 2. 1930 г. С. 1158–1165; *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК — ОГПУ. М., 2012. С. 43–51.

Иван Христофорович Озеров

Организация якобы ставила своей целью вооруженное свержение советской власти и установление в СССР монархии. По делу был арестован 51 человек, включая 14 «организаторов», 26 «активных участников» и 11 «пособников и укрывателей»²⁸. Заговорщики, по версии следствия, рассчитывали на крестьянские волнения или интервенцию иностранных государств и белой эмиграции, а одним из основных способов борьбы считали террор против руководителей партии и правительства, включая применение «огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, сильнодействующих бактериальных культур, ядовитых веществ, газов и т.п., направленных, как против отдельных вождей и руководителей советского государства, и, в частности, против генерального секретаря ВКП(б) т. Сталина, так и против целых собраний ответственных советских работников и членов коммунистической партии»²⁹. Тем более что среди «заговорщиков» были, в том числе, врачи и химики.

Обвинение исходило из того, что интеллигенция, за незначительным исключением, встретила Октябрьскую революцию 1917 г. враждебно, возникли различные контрреволюционные организации с ее участием. Большинство же заняло выжидательную позицию, надеясь на победу бе-

²⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 250. Предоставлено семьей Снесаревых.

²⁹ Там же. Т. 3. Л. 7.

лых³⁰. Эти надежды не оправдались. Тогда контрреволюция ушла в подполье, организовав серию заговоров. НЭП представителями интеллигенции был воспринят как уступка со стороны власти, но надежды на возвращение к прежним порядкам не оправдались. Тогда расчет якобы стал делаться на иностранную интервенцию и возвращение белоэмигрантов во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Обострение классовой борьбы произошло в связи с коллективизацией и индустриализацией. Рост недовольства населения окрылил противников власти, пытавшихся вовлечь в свою борьбу широкие крестьянские массы. К этому времени интеллигенты стали сбиваться в разного рода кружки (танцевальные, карточные и т.д.), где на самом деле обсуждали политические вопросы. Одним из направлений деятельности таких лиц, согласно обвинительному заключению, стали вредительство и шпионаж³¹. Подобного рода организацией, как полагали чекисты, являлся Русский национальный союз или РНС.

Члены этой вымышленной организации или кружка, в основном, представляли гражданскую научно-техническую интеллигенцию, некоторые состояли в масонской ложе, имели связи с антисоветски настроенным православным духовенством. Насколько можно судить, речь шла о неформальном общении на политические темы в антисоветском духе. Первый арест по делу РНС произошел 24 октября 1929 г., последние аресты прошли в январе 1930 г. Следствие продолжалось до августа 1930 г. Объем дела составлял 35 томов. Никаких доказательств, кроме характерных для следствия той эпохи взаимных признательных показаний, не было. Обвинительное заключение на 147 листах составил к 24 июля 1930 г. старший уполномоченный 9-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ М.П. Кононович³². Однако итоговая редакция документа была датирована 15 сентября 1930 г. и утверждена председателем ОГПУ В.Р. Менжинским³³, а материалы дела докладывались лично И.В. Сталину³⁴.

В группу Снесарева, как утверждало следствие, входили профессор И.Х. Озеров; бывший белый полковник М.Г. Попов; инженер-механик

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Там же. Л. 11–17.

³² Там же. Л. 147. Кононович известен тем, что в 1930-е гг. применял практику конвейерных допросов, пытки и побои (Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. Сб. док. М., 2010. С. 16).

³³ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 3. Л. 1а.

³⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т. 8. Ч. 2. 1930 г. С. 1158–1165.

Ф.И. Кругликов, служивший в контрразведке у атамана А.И. Дутова; бывший крупный помещик и золотопромышленник А.Н. Петров³⁵.

Снесарев обвинялся в том, что был одним из организаторов контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз» (Ренессанс или РНС), в 1923–1926 гг. принимал участие в совещаниях группы бывших георгиевских кавалеров, а также в совещаниях ячейки РНС до 1929 г.³⁶ Создание организации РНС в разных документах следователи возводили то к 1926 г., то даже к 1920 г. До 1926 г. ею руководил А.А. Брусилов. Организация якобы просуществовала в Москве до 1930 г. Согласно обвинительному заключению, до 1926 г. организация состояла, в основном, из бывших офицеров (помимо Брусилова и Снесарева фигурировали Н.Я. Капустин, Г.Н. Хвоцинский, И.И. Чубаков³⁷), позднее же в прежнем составе распалась, но была воссоздана Снесаревым и Озеровым с привлечением гражданской научно-технической интеллигенции³⁸. К обвинительному заключению прилагалась красочная схема организации союза³⁹.

Интересно, что при выдвижении обвинений в отношении профессора Озерова следователь цитировал выписку из вышедшего в СССР фрагмента «Очерков русской Смуты» генерала А.И. Деникина, где Озеров упоминался в главе 7-й о политических партиях в период деникинского «похода на Москву» 1919 г. как член крайне правых организаций⁴⁰.

Супруга Снесарева, Евгения Васильевна, многое сделала для облегчения участи мужа. По всей видимости, одним из тех, кто инструктировал ее в этих вопросах, был хороший знакомый Снесаревых А.И. Тодорский. 13 июня 1930 г. было отправлено заявление на имя секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Кроме того, в тот же период Е.В. Снесарева обращалась ко второму заместителю председателя ОГПУ С.А. Мессингу. Как противник стоявшего за делом «Весна» Г.Г. Ягоды Мессинг должен был помочь. В обоих заявлениях содержались просьбы ускорить рассмотрение дела, заверения в непричастности Снесарева к какой-либо антисоветской деятельности и указания на бедственное положение большой семьи.

³⁵ ЦА ФСБ, Д. Р-40164. Т. 3. Л. 44.

³⁶ Там же. Т. 4. Л. 8.

³⁷ Там же. Т. 3. Л. 26.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 148.

⁴⁰ Там же. Л. 45. Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской Смуты»). М., 1928. С. 79; Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 550.

Алексей Алексеевич Брусилов

13 августа 1930 г. Коллегия ОГПУ заслушала дело РНС и приговорила Снесарева к расстрелу. Из 15 приговоренных в тот день к расстрелу по этому делу приговор смягчили только двоим — Снесареву и И.Х. Озерову. 17 августа остальных расстреляли⁴¹. 18 человек получили по 10 лет лагерей, 12 человек — по 5 лет лагерей, двое подлежали высылке в Сибирь, в отношении еще двоих дело прекратили, а дело еще двоих выделили в отдельное производство.

Почему же Снесарев, считавшийся одним из руководителей РНС, не был расстрелян? По всей видимости, это связано с тем, что Андрея Евгеньевича следователи решили использовать для раскрутки нового масштабного дела, на этот раз против военных. Как раз в августе 1930 г. оно уже стало активно раскручиваться. Вплоть до января 1931 г. Снесарев оставался под расстрельным приговором по делу РНС, что, очевидно, использовалось для давления на арестованного и получения нужных им показаний уже в рамках дела «Весна».

Интересно, что последний допрос Снесарева по делу РНС датирован 24 августа 1930 г. (т.е. проходил уже после приговора) и касался связей бывшего генерала с донскими казаками⁴².

⁴¹ Расстреляны были: В.А. Барнашвейлев, А.В. Березкин, А.М. Виноградов, С.В. Голицын, В.Р. Захаров-Антонов, П.М. Кейзер-Ясман, П.Н. Киселев, П.Д. Костин, Н.В. Кругликов, Ф.И. Кругликов, М.Г. Попов, А.А. Савин, В.И. Синецкин. Все они похоронены на Ваганьковском кладбище, а в 1989 г. реабилитированы.

⁴² ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 133—134 об.

Александр Андреевич Свечин

Супруга Снесарева не оставляла попыток помочь мужу. Она обратилась за помощью к заместителю наркома по военным и морским делам И.П. Уборевичу, но заявление в тот же день ей вернули с резолюцией: «Снесаревой. Ввиду невозможности помочь, Ваша просьба осталась без последствий, о чем просил Вас поставить в известность тов. Уборевич. 28/VIII-30 г.»⁴³. 31 августа супруга арестованного обратилась во ВЦИК, но ответа не последовало. Е.В. Снесарева пыталась также попасть на прием к видным государственным и партийным деятелям П.Г. Смидовичу и Н.В. Крыленко.

Летом 1930 г. начала раскручиваться цепочка дела «Весна» — первоначально агентурной разработки «Весна» («Штаб повстанческих войск левобережья»), начатой ГПУ УССР⁴⁴. Речь изначально шла об арестах группы кулаков, якобы принадлежавших к повстанческой организации. Вскоре, в соответствии с директивами из Москвы, в деле появились фигуранты из числа бывших офицеров, постепенно их количество и должностной статус увеличивались.

Связь между делом РНС и «Весной» проясняет справка по делу «Весна», в которой отмечено: «Организация бывших офицеров-генштабистов (речь идет о деле «Весна». — А.Г.) имела связь также и с другими гражданскими к[онтр]р[еволюционными] организациями через Сне-

⁴³ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

⁴⁴ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 387.

Евгений Константинович Смысловский

сарева с к[онтр]р[еволюционной] организацией “Казачий блок” и “Русский национальный союз”, через Смысловского с Инженерным центром и Военпромом.

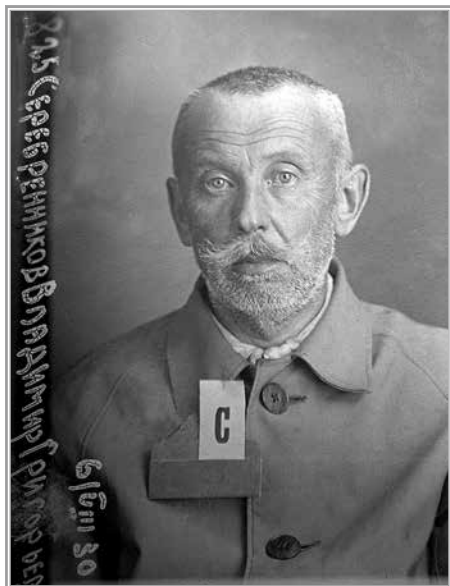
Наряду с руководством контрреволюционной вредительской деятельностью в РККА часть руководителей к[онтр]р[еволюционной] организации бывших офицеров Генштаба в составе Смысловского, Снесарева, Свечина и Лигнау имели связь с представителями иностранных миссий и агентами иностранной разведки...

Снесарев был связан с немецкой миссией через шпиона Ваурика»⁴⁵.

Фактически арест Снесарева по делу РНС оказался первым и в рамках дела «Весна», поскольку основная масса фигурантов последнего была арестована существенно позднее — летом — осенью 1930 г. и позже. В частности, только в ночь на 2 августа 1930 г. был произведен следующий арест высокопоставленного военного работника, сотрудника Штаба РККА бывшего генерала В.Г. Серебрянникова.

Московские чекисты добились от Серебрянникова показаний на начальника военных сообщений Украинского военного округа В.В. Сергеева. В сентябре 1930 г. в Харькове последний был арестован. Московское дело получило выход на украинские военные круги, а мифическая контрреволюционная организация — всесоюзный масштаб.

⁴⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 208—209.

Владимир Григорьевич Серебрянников. ГАСБУ

10 октября 1930 г. Сергеев показал, что Снесарев «по взглядам являлся полным идейным противником советской власти. Бывший командующий 16[-й] армией. Несколько раз я был у него на квартире. Во время разговоров он, как бы поучая меня, высказывал мнение о временности и шаткости советской власти и неправильности ее путей. Последний раз был в 1928 г. У Снесарева жил солидаризирующийся с ним его тесть гр[ажданин] Зайцев — штатский, слышал от них, что их дом часто посещается многими старыми генштабистами.

Это был, по-моему, как бы идеологически враждебный Сов[етской] власти центр»⁴⁶. Таким образом, следствие связало штаб Украинского военного округа и московскую контрреволюционную ячейку. Позднее Сергеев заявил, что был завербован Снесаревым, который якобы дал ему задание создать группу единомышленников в Украинском военном округе⁴⁷.

В октябре 1930 г. Снесарев был вынужден признать себя виновным и по делу «Весна». Допрашивал его уполномоченный 4-го отделения Особого отдела ОГПУ А.М. Перлин. Для характеристики дела и эпохи отметим, что сам Перлин был расстрелян в 1938 г. и по определению Военной коллегии Верховного суда РФ от 28 мая 2015 г. не подлежит реа-

⁴⁶ Там же. Т. 3143 (175). Л. 119–120.

⁴⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 87. Предоставлено семьей Снесаревых.

Алексей Васильевич Сапожников

билитации⁴⁸. По делу «Весна» он вел еще шесть дел — работал с А.Н. Голицинским, А.Г. Лигнау, Г.Н. Мекк, А.В. Новиковым, А.В. Сапожниковым и Е.К. Смысловским.

18–19 октября 1930 г. Снесарев показал: «В дополнение к моим предшествующим показаниям, обдумав еще раз, более широко и углубленно, чем прежде, свое прошлое, я прихожу к заключению, что мой военный авторитет, как в старой армии, так и при советской власти, мои сомнения или критические замечания по адресу некоторых мероприятий правительства, мое участие в таких собраниях, как, напр[имер], сходка бывших офицеров-георгиевцев, давали повод и даже право офицерам, контрреволюционно настроенным и входящим в контрреволюционные организации, считать меня отразителем их вожделиний, их, так сказать, идеологом. В чем искренно раскаиваюсь»⁴⁹.

На допросе 21 октября Снесарев под диктовку следователя Перлина отметил: «После смерти Брусилова, который связывал с моим именем контрреволюционные надежды, я, как двойной георгиевский кавалер бывшей армии, как основоположник нашей Военной академии, как лицо, вообще пользовавшееся авторитетом и по своей учености, и по своим личным качествам, и, наконец, как человек, имеющий европей-

⁴⁸ Тумишис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 495.

⁴⁹ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 91.

ское имя, считался одним из его преемников, как по его руководящей позиции, так и по тем надеждам, которые с ним связывало контрреволюционное офицерство.

Резкость перехода власти от монархизма к социализму, бедность страны, испытавшей 2 войны — империалистическую и Гражданскую — и революцию, ненависть буржуазного мира Европы, готового войной или экономическими средствами задушить вновь народившийся и с трудом расправляющий крылья государственный строй, — все побуждало старое офицерство питать надежды на скорое падение власти и пытаться создать основы для какого-то нового порядка вещей. Я, по высказанным выше причинам, должен был в этих политических перспективах играть крупную роль. Мое поведение, обрисованное в протоколе от 18—19/X, оправдывало и поддерживало эти надежды.

Дальнейшие обстоятельства советского строительства усиливали эти надежды: капиталистический мир перешел к ряду мероприятий, имеющих целью сорвать [ход] государственного строительства в СССР, во внутренних делах возникали неожиданные препоны, вроде голода 1921 г., появление НЭПа как неизбежный этап для нового прыжка понималось нами как отказ от основного плана преобразований, в особенности же последние события, как, напр[имер], поведение крестьянства при процессе коллективизации или идея пятилетки, считаемая неосуществимой... все эти обстоятельства усугубляли мысль о неизбежности падения советской власти, под влиянием ли внутренней катастрофы или от внешнего нажима со стороны капиталистического мира, готового налететь на потрясенную страну. В последнем случае неблагоприятный для советской власти исход войны подкреплялся бы неверием в силы Красной армии, общей бедностью страны и, наконец, неудовольствием некоторых классов населения, а особенно интеллигенции и крестьянской массы. В том же ободряющем духе действовали и события, разыгравшиеся в недрах самой партии сначала под формой троцкизма, а затем, и в особенности, в лице правого уклона, которые говорили нам о потере партией былой монолитности и о возможном ослаблении через это крепкой руководящей линии; сверх того, те же события указывали на появление и среди партийцев таких людей, которые в некотором смысле совпадали с мыслями контрреволюционного офицерства и говорили о возможности создания какой-то объединенной организации.

Созданная нами в результате политическая концепция подсказывала офицерству мысль об ином каком-то отношении к своим текущим

Александр Леонтьевич Певнев

обязанностям, т.е. создавала почву для вредительства в армии, о необходимости своевременной перестраховки, а затем и о создании заблаговременных контрреволюционных организаций.

Так как я, как я сказал выше, являлся после Брусилова одним из его преемников, то естественно, что при допущении мною указанных выше мыслей, посещениях собраний офицеров-георгиевцев и дальнейшей моей связи с офицерами Генерального штаба я делался в глазах офицерства идеологом их настроений и пожеланий и создавал импульс к их дальнейшей контрреволюционной деятельности»⁵⁰.

23 октября Снесарев назвал своих «соратников» — преподавателей Военной академии РККА К.И. Бесядовского, Н.А. Владиславского-Крекшина, Е.М. Голубинцева, Д.Н. Надежного, А.Л. Певнева, А.А. Свечина, Е.К. Смысловского, В.Г. Сухова. Кроме того, он указал на А.Н. Вегенера, А.Н. Галицинского, А.В. Новикова, В.В. Сергеева, П.П. Сытина, Е.Е. Шишковского, а также умерших К.И. Величко, Н.Я. Капустина и В.Ф. Новицкого⁵¹. Отрабатывались родственные и служебные связи и знакомства⁵².

Тогда же Снесарева вынудили изложить историю возникновения организации. В показаниях от 25 октября 1930 г. читаем: «Наша органи-

⁵⁰ Там же. Л. 95—96.

⁵¹ Там же. Л. 97; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М., 2000. С. 127.

⁵² ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 106—106 об.

Александр Николаевич Вегенер

зация бывших офицеров Генер[ального] штаба, создавшаяся приблизительно в [19]22—23 гг., хотя более строго уточнить не могу, имела исходными корнями прошлое этих лиц: будучи людьми очень строгого отбора от общеармейской массы, отшлифованные для всех одинаковой хорошо продуманной системой воспитания, пользуясь всегда очень привилегированным социальным положением, а, вместе с этим, и естественным влиянием, и, наконец, близко знакомые друг с другом и связанные очень часто узлами дружбы, они вошли в новую для них обстановку советской власти, естественно организованной и сплоченной группой.

С собой принесли они качественно очень высокие военные знания и большой опыт и, конечно, нашли им применение в бурных судьбах Советского Союза. Со стороны последнего они встретили и поддержку, и внимание, но таковые не могли возместить все те выгоды, привилегии и карьеры, на которые мы могли рассчитывать при буржуазном строе; к тому же ход развития советской страны шел столь нервными этапами и столь торной дорогой, что, естественно, вызывал в умах старых генштабистов большую тревогу и опасения за конечный исход всего колоссального государственного предприятия. А что, может быть, было самое главное, — все то мирозерцание, все те навыки мыслить и понимать явления, которые мы вынесли с собою из прошлого, столь были несхожи со всем теперь наблюдаемым, что нам было невозможно воплотить в своем сознании эти новые и непонятные картины советского бытия и совет[ского] миропонимания.

Василий Федорович Новицкий

Сначала бурей революции и Гражданской войны разбросанные по всем углам страны, мы — генштабисты — естественно с момента окончания последней и с переходом страны к систематической организационной работе должны были очутиться в тех центрах Союза, где была возможна и нужна наша высококвалифицированная военная работа. В этих центрах мы должны были скоро обрести друг друга, завязать старые связи, наладить взаимные посещения, и в результате обмена мнений, споров, собеседований, взаимных ориентировок установить платформу политического мирозерцания, которая нас и объединила в организационное целое.

Основные черты указанной платформы обуславливались такими моментами:

1) Страна приступила к колоссальному, никогда не пережитому в летописях человечества государственному перестроению, ведя такое прыжком — от монархии непосредственно к социализму, что одно уже говорило об утопии, о риске неудачи и срыва.

2) Капиталистический мир, и без того уже значительно потрясенный и разложенный, должен был в попытке создания нового социалистического мира видеть последний смертельный удар, занесенный над его головой. Отсюда неизбежны всяческие пробы и приемы (интервенция, война, экономическое удушение), чтобы приостановить, а, буде возможно, разгромить разворачивающуюся пред капиталистами картину советского строительства. При могуществе капитали-

Евгений Евгеньевич Шишковский

стического] мира указанные попытки очень грозны и должны кончиться удачей.

3) Внутри страны те жертвы и то несказанное напряжение, которые должны были потребоваться в процессе глубокого преобразования, должны были среди населения, а также классов, потерявших старые привилегии, вызвать неудовольствие, упадок веры, восстания. Это должно было угрожать общей созидательной работе и помогать работе капиталистического мира.

4) Наконец, бедность страны, взвалившей на свои плечи непосильную ношу, невиданный и своеобразный облик Красной армии, построенной на началах и чуждых, и непонятных для нас, старых генштабистов, и вызывавших наше недоверие, случайности вроде голода 1921 г., питали как уверенность в отрицательном исходе государственной реформы, так и надежды на падение советской власти.

В результате указанных убеждений и связанного с ними хода мыслей в основу программы легли, с одной стороны, неверие в успех общей преобразовательной работы в СССР и с другой — уверенность в падении советской власти, а как личный момент играло при этом сознание необходимости личной перестраховки.

Конечно, на такой программной, чисто теоретической ступени дело не могло остановиться; так или иначе программа должна была вызвать ряд активных и, в частности, тактических и технических мероприятий, необходимо было расширить сферу осведомления, дабы понимать об-

Константин Иванович Величко

становку более конкретно, увеличить число лиц, сочувствующих общему делу, осуществить действия, ведущие к ослаблению Красной армии, проникая во все стороны ее жизни и техники, усыпляя общественное мнение проповедью о невозможности войны и т.д., чтобы в необходимый момент быть готовыми к активному выступлению..

Формы связи и взаимных осведомлений сводились к беседам по двое или по трое при всяких удобных случаях под видом карточной игры, прогулок, встреч при домашних празднествах. При этом темы осведомления вращались около вопросов о состоянии страны, Красной армии и наших отношений к тем или иным политическим событиям.

Некоторые из наших членов вербовали в нашу организацию людей, но их фамилии я не знаю, так как технической стороной организации я не занимался, являясь только ее идеологом и кроме завербованного мною Сергеева других случаев у меня не было»⁵³. Отметим, что протокол допроса от 16 ноября 1930 г. компилировался и фабриковался следствием из разрозненных кусков приведенного выше более раннего протокола.

По мере необходимости показания дополнялись или корректировались, в них появлялись новые фигуранты. В частности, Снесарев 29 октября дополнительно показал, что в организацию также входили преподаватель Военно-воздушной академии В.А. Афанасьев, препода-

⁵³ Там же. А. 102–104.

Владимир Александрович Афанасьев

ватель Военной академии В.И. Максимов, геодезист А.Д. Тарановский, профессор Морской академии М.А. Петров и другие⁵⁴.

Снесарев свидетельствовал, что еще в конце Гражданской войны генштабисты в Советской России стали объединяться в небольшие группы. В Москве в такую группу помимо него самого входили К.И. Бесядовский, М.Д. Бонч-Бруевич, А.И. Верховский, С.Г. Лукирский, Д.Н. Надежный, А.А. Свечин, Ф.П. Шафалович, Е.Е. Шишковский, а также не относившиеся к генштабистам Н.А. Владиславский-Крекшин и Е.М. Голубинцев⁵⁵. Шафалович, согласно показаниям Снесарева, вошел в эту группу на почве уверенности в падении советской власти. Бывший генерал С.Г. Лукирский показал, что объединение генштабистов возникло еще в 1918 г.⁵⁶

Следствию требовались и признания в подрывной работе, которую якобы вела эта группа в РККА. Поскольку рычагов воздействия на армию члены организации, будучи педагогами, не имели, следствие удовлетворилось признаниями в том, что контрреволюционеры пытались влиять на товарищей по службе в политическом отношении. По мере необходимости показания фигурантов дела дополнялись или корректировались в нужном следствию ключе.

⁵⁴ Там же. Л. 107.

⁵⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (54). Л. 116.

⁵⁶ Там же. Т. 65. Ч. 1. Л. 21.

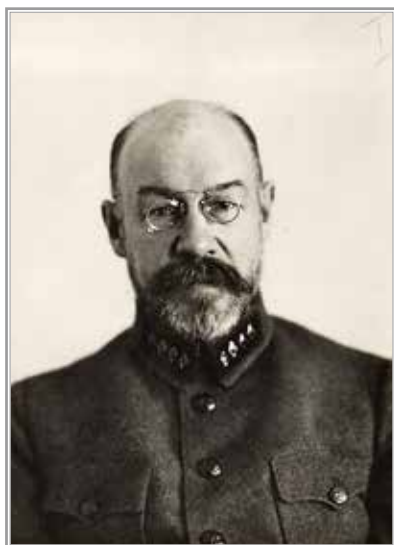
Константин Иванович Бесядовский.

Научный архив Института российской истории РАН

По всей видимости, признаний Снесарева следствию оказалось недостаточно. Вероятно, в результате в протоколе допроса от 16 ноября 1930 г. появились такие строки: «В нашей организации бывших офицеров-генштабистов центральной фигурой был я, как идеолог, как создающий те или иные политические установки и направления, из которых должно было вытекать осуществление тех или иных предприятий технического характера, и поэтому имел дело лишь с тесным кругом тех членов организации, которым я более доверял и которые могли по своему авторитету оказаться руководителями в той или иной области военной работы»⁵⁷.

Снесарев свидетельствовал о подрывной работе членов организации: «По выяснению положения в смысле возможности проведения подрывной работы Красной армии в военно-топографическом управлении и выявления единомышленников работу вел Н.С. Беляев как сам геодезист и имеющий большие связи с военными топографами. В процессе выяснения лиц в [оенно]топографического управления Беляев нашел, что оно переполнено единомышленниками, в большинстве случаев монархически настроенными вроде быв[шего] генерала Алексева, Аксенова и др[угих], которые, по его мнению, уже проводят в своей повседневной деятельности нужную работу по подрыву мощной армии; почему его деятельность должна была свестись лишь к поддержке долж-

⁵⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 108–108 об.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ного политического настроения, т.е. надежд на свержение советской власти; о чем меня и информировал Н.С. Беляев.

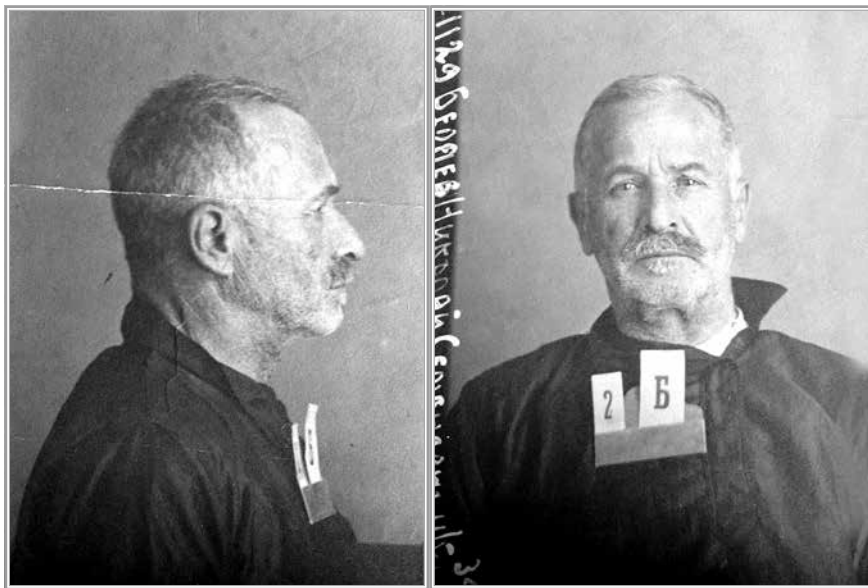
По отношению к артиллерии большее влияние из всех членов организации имел Е.К. Смысловский, который проводил работу, аналогичную с работой Беляева. Результаты его работы я сейчас не помню и информировал ли он меня или нет, также вспомнить не могу.

Завербованный мною Сергеев, начальник военных сообщений штаба Украины, получивший от меня общую политическую линию нашей организации, также должен был проводить линию ослабления в своей области, которая должна была принять во внимание ход мобилизации в начале войны; о чем мне и докладывал.

В отношении других лиц нашей организации, ведущих подобную работу, если вспомню, то дополню впоследствии»⁵⁸. Последняя фраза показаний вполне характеризует подходы следствия, применявшиеся не только в деле Снесарева — при необходимости арестованный мог дать дополнительные показания, нужные следователям.

Показания от 24 ноября содержали сведения о представителях казачества в организации: «Одной из баз, на которую наша организация рассчитывала в случае переворота или восстания, было казачество в его целом. Откуда понятно, что оно не могло нас не интересоваться как группа, имевшая в прошлом отчетливую политическую физиономию, т.е.

⁵⁸ Там же. Л. 108 об.—109.

Николай Семенович Беляев. ГАСБУ

активная и составлявшая опору царской власти, а в Гражданской войне сильно боровшаяся с советской властью, а теперь велением уравнивателей пролетарской программы сведенная к общему равенству и потерявшая все привилегии; посему казачество должно было быть настроенным против советской власти. По этой причине наша организация чувствовала необходимость держать казачество под своим наблюдением, следить за его настроением и вообще иметь его в виду.

Среди членов нашей организации были бывшие офицеры-генштабисты из казаков; такими были: Певнев (кубанец), Голубинцев (донец) и Дедков (донец). Они имели своих родных в Краснодаре, Новочеркасске и станице. Наезжая туда неоднократно, они получали возможность оживлять связи, изучать настроение и достигать нужных ориентировок, и, при случае, поддерживать их политические надежды. Эти лица по приезду в Москву информировали меня полностью о всем ими пережитом и о вытекающем отсюда политическом настроении казаков.

Сверх этих возможностей наша организация могла чрез меня держать связь с казачеством и получать нужную информацию при помощи И.И. Бобрышева. Бывший офицер из кубанских казаков, он в Гражданскую войну был в отряде Морозова и в свое время сдался советской власти на условиях определенного договора. Выпущенный из лагеря (около Солянки в Москве) он до приискания квартиры жил с женою у меня, а после, как старый знакомый, не прерывал с моей семьей связи. Лично он никогда не ездил на Кубань, но около него группировались земляки, среди кото-

Александр Васильевич Новиков

рых были и приезжие из его родных мест. Из его информации я знал об антисоветском настроении этой группы, а также и о текущих событиях на Кубани. Некоторую информацию о положении дел на Дону я получал от Солдатова, бывш[его] офицера Ген[ерального] штаба из донцов.

Наконец, я как выросший на Дону, а затем как начальник штаба 2^й каз[ачьей] сводной дивизии в г.г. 1910—1914, признавался многими как казак (донской) и никогда не изживал своего интереса к донским казакам»⁵⁹.

Далее Снесарев показал, что в 1927—1928 гг. ездил для лечения в Кисловодск, а семью при этом (в показаниях почему-то указано — в 1927 и 1929 гг.) отправлял в станицу Лысогорскую к своему бывшему вестовому О.П. Ефанову. Сам Снесарев также приезжал в станицу. Согласно показаниям, считаясь важной персоной, старался держаться замкнуто, никуда не ходить, однако «при всей замкнутости от меня не могли скрыться картины жизни казаков: их обеднение, тревожное настроение и уныние, которые создали во мне уверенность, что в случае продолжения такой политики нужно ожидать среди казаков серьезного волнения, которое может вылиться в восстание»⁶⁰. Снесарев отметил, что поделился этими впечатлениями со Свечиным, Надежным, Новиковым и другими (в показаниях они именовались членами организации).

⁵⁹ Там же. Л. 124—125.

⁶⁰ Там же. Л. 125 об.

Сергей Георгиевич Лукирский

В следующих показаниях от 13 декабря признания еще масштабнее, кроме того, отмечена связь организаций РНС и «Весна» через Снесарева: «Как я уже говорил, наша организация в ожидании интервенции и возможности восстания внутри страны занималась подготовительной работой, которая заключалась в подборе своих единомышленников и в подрыве могущества Красной армии, охватив как можно более отраслей военной техники и создав возможные связи с контрреволюционными группировками или организациями. Расстановка сил в нашей организации вылилась в форму, о которой я упомянул, т.е. каждый из членов работал по своим возможностям и по своим связям, какие он имел; так, Беляев работал в среде военных топографов, Певнев, Голубинцев и Дедков имели связь с казачеством. Смысловский — в сфере артиллерии и военной промышленности, Сергеев — по линии военных сообщений; о своей роли в организации я уже говорил в своих предыдущих показаниях; я могу только добавить, что я имел связь чрез Озерова с его организацией»⁶¹. Далее следовали показания об осторожном поведении члена организации Смысловского.

27 декабря 1930 г. Снесарев показал: «Наша организация бывших офицеров Генерального штаба, ставившая себе целью свержение советской власти тем или иным путем, в своем развитии и деятельности шла в трех направлениях: 1) накопление единомышленников, 2) стремление

⁶¹ Там же. Л. 129.

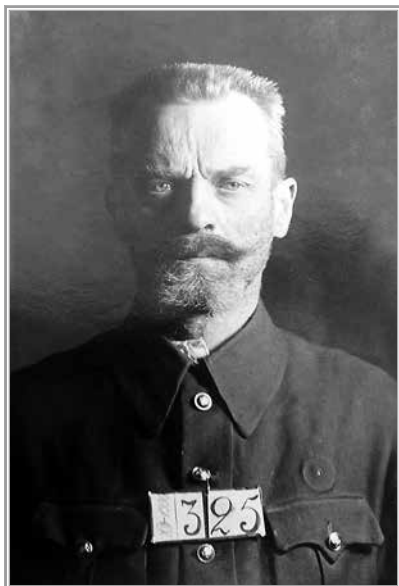
Федор Платонович Шафалович

связаться с другими организациями и 3) в расчете на интервенцию подрыв мощи Красной армии во всех ее отраслях.

В нее входили следующие члены: я — Снесарев, Надежный Д.Н., Свечин А.А., Бесядовский, Капустин Н.Я. (умер), Новицкий В.Ф. (умер), Сухов В.Г., Голубинцев, Певнев, Дедков, Владиславский, Лукирский, Тигранов, Беляев — профессора и преподаватели Воен[ной] академии, Новиков А.В., Голицинский А.Н. — бывшие военные, Смысловский, Шишковский — военрук техникума, Величко К.И. (умер), Гиршфельд, Сергеев — нач[альник] III отд[ела?] штаба Укр[аинского] военного округа, Ашик — быв[ший] офиц[ер], Вегенер, Сапожников. Кроме того, должен указать еще некоторых: Суворова, Барановского и Шафаловича — военруки ВУЗов. Связаны были с организацией как единомышленники — Серебрянников, бывш[ий] оф[ицер] Ген[ерального] штаба, Морозов — преп[одаватель] В[оенно-]технической академии, Петров М.А. — бывший проф[ессор] В[оенно-]морской академии.

Ввиду того, что в Москве были сосредоточены наиболее авторитетные члены нашей организации, наша группа здесь являлась руководящим центром, в котором роли между членами распределялись в таком порядке:

Я, являясь идеологом, давал общую политическую установку в работе организации и увязывал ее деятельность с другими организациями через проф[ессора] Озерова, Беляева, Смысловского и др.

Владимир Александрович Ольдерогге. ГАСБУ

Смысловский являлся в нашей организации как представитель других организаций, имевших связь с границей; кроме того, он работал по линии военной промышленности и артиллерии.

Голубинцев, Певнев, Дедков вели работу по связи с казачеством.

Беляев работал, осуществляя нашу программу среди военных топографов.

Сергеев вел работу на Украине по подрыву жел[езно]дорожных операций в случае мобилизации и по созданию единомышленников на Украине.

Организационную связь с перифериями, насколько мне известно, имели Смысловский, Голубинцев, Певнев, Дедков, Сергеев; других я пока не припоминаю»⁶². И вновь показания завершала фраза, призванная создать видимость реалистичности дальнейших дополнений.

Касательно пребывания в санатории Кисловодска следствие интересовалось, не находился ли Снесарев там одновременно с другим видным военспецом В.А. Ольдерогге⁶³. В отношении последнего Снесарев 31 декабря 1930 г. показал, что «Ольдерогге, бывшего офицера Генер[ального] штаба, я знаю еще с того времени, как он был командиром дивизии в бытность мою командующим XVI армией. В 1928 г. я и еще один член нашей организации Д.Н. Надежный были в Кисловодске на лечении. Там мы встретили Ольдерогге, с которым были разного рода беседы, в числе их были,

⁶² Там же. Л. 133–134.

⁶³ Там же. Л. 135.

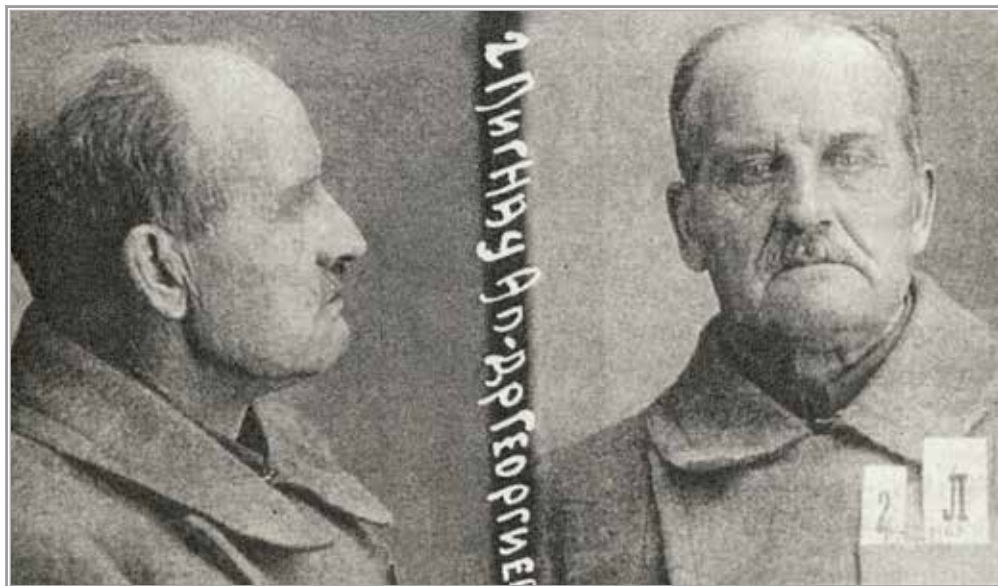
Иван Дмитриевич Чинтулов

конечно, и политического характера. Затронули ли мы вопрос о нашей организации, я не помню, но по характеру и содержанию наших разговоров подобный вопрос возникнуть мог. Когда я узнал от Ольдерогге, что он в Киеве, то попутно с этим, вероятно, зашел разговор и о транспорте в связи с подрывной работой, которую вел член нашей организации Сергеев.

Среди шансов на достижение конечной цели наших устремлений, т.е. свержения советской власти, восстание в Москве, несомненно, занимало первенствующее место; в этом случае считалось желательным, чтобы наша организация возглавляла подобное восстание. Последнее же мне мыслилось в таких последовательных фазах: захват Кремля и основных учреждений, каковы: почта, телеграф, государственный банк, вокзалы и т.п., т.е. основные нервные узлы города. Если бы восстание приняло широкий, чисто стихийный характер, во всяком случае, признавалось насущно нужным, предвидя громадные ресурсы сопротивления, руководить восстанием с должной осмотрительностью, рассчитывая на длительность операции. При таком ходе мыслей считалось, однако, желательным, чтобы упомянутое восстание произошло само собою, как бы под толчком массовой психологии и только тогда постараться взять его в руки и возглавить, а не создавать его самим, так как в последнем случае само восстание было бы лишено широкой опоры.

Такого рода беседы велись еще с Брусиловым, Новиковым и с другими членами нашей организации»⁶⁴.

⁶⁴ Там же. Л. 136—136 об.

Александр Григорьевич Лигнау. ГАСБУ

Новые допросы требовали указания на новых жертв, хотя, очевидно, Снесарев пытался сопротивляться, по возможности уклоняясь от признательных показаний в отношении своих товарищей. 7 января 1931 г. следователь Л.М. Перлин допросил его о А.А. Брусилове и знакомых из Украинского военного округа, пытаясь все теснее увязать московскую организацию с Украинской ССР. Тогда Снесарев показал: «Вскоре после приезда четы Брусиловых из Чехословакии мне с Брусиловым говорить не пришлось и вообще об их пребывании за границей мне удалось слышать уже после смерти его рассказ от его супруги. Среди разговоров о том, как их приняли чехи, я помню ее слова о том, что белогвардейская эмиграция против меня ничего не имеет, не считает меня предателем, а, наоборот, своим человеком.

При свидании с Сергеевым из УВО⁶⁵ у меня на квартире, когда речь шла о наших единомыш[ленник]ах, он мне говорил о бывших офицерах Бежанове и Ивановском, работ[аю]щих в штабе, к[а]к о своих людях; о Пугачеве⁶⁶ же я с ним не говорил, это я твердо помню»⁶⁷.

⁶⁵ Украинский военный округ.

⁶⁶ Подробнее об арестах С.Г. Сакварелидзе-Бежанова, С.С. Ивановского и С.А. Пугачева см.: Ганин А.В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...» Лагерная судьба комкора С.А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник. Исследования по истории России. 2018. Т. 25. 1937 год. С. 151–154.

⁶⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 138.

12 января 1931 г. Снесарев показал, что руководящий центр организации состоял из него, бывших генералов А.А. Свечина, М.Д. Бонч-Бруевича и С.Г. Лукирского (ранее Бонч-Бруевич не фигурировал), причем каждый из них объединял вокруг себя группу единомышленников⁶⁸. В дальнейших показаниях Снесарев назвал руководителей организации Центральным бюро. Однако материалы дел противоречат этим вынужденным показаниям. Так, Бонч-Бруевич виновным себя не признал и был освобожден. Свечин 18 июля 1931 г. был осужден на пять лет лагерей, но 7 февраля 1932 г. приговор был пересмотрен, и он вышел на свободу⁶⁹. Лукирский получил пять лет лагерей, но в 1956 г. реабилитирован. Упоминались также бывшие генералы А.И. Верховский и А.Г. Лигнау как якобы руководители отдельной контрреволюционной организации. В последующих показаниях они, а также бывший генерал А.Н. Суворов были названы руководителями отдельных групп, объединявших своих единомышленников.

Организация Снесарева имела ответвления и на периферии, при этом Снесарев был вынужден показать, что многих региональных сотрудников он лично не знал. «Отделения» имелись в Ленинграде (Н.А. Морозов, Л.Ф. Тигранов) и на Украине (С.Г. Бежанов, С.С. Ивановский, Е.О. Монфор, В.А. Ольдерогге, И.Д. Чингулов).

В 1937 г. некоторые прежние фигуранты «Весны» считали, что были тогда арестованы из-за «кошмарных бредней» Снесарева, Бесядовского и других, оклеветавших себя и остальных. Позднее в своих бедах они стали обвинять сфабрикованное дело ОГПУ, среди руководителей которого тогда работал Г.Г. Ягода, арестованный в марте 1937 г.⁷⁰

Фигуранты «Весны» отмечали, что у Снесарева 26 ноября, в День святого Георгия (по старому стилю), в течение трех лет, начиная с 1924 г., проводились Георгиевские вечера — встречи кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия. При этом одни участники этих вечеров отрицали их политический характер⁷¹. Другие показывали, что на вечерах политические разговоры все же велись, обсуждались состояние СССР, промышленность, деятельность вождей партии, близость войны и угроза интервенции, обострение внутреннего положения, принудительная кол-

⁶⁸ Там же. Л. 142.

⁶⁹ Публикацию материалов его дела см.: Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 260–272; № 3 (127). С. 261–291.

⁷⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 2. Л. 3.

⁷¹ Там же. Т. 59. Л. 216.

лективизация, попрание религии, репрессии. Д.Н. Надежный свидетельствовал, что «собрания быв[ших] георгиевских офицеров, то стремление, которое было у них к единению, могло явиться в результате тех настроений, которые принесли с собой в академию б[ывшие] офицеры Ген[ерального] штаба, стремившиеся уйти от активного участия в революции».

Характер этих собраний определился после выступления Брусилова, которое состоялось, вероятно, в 1923 г. Выступление Брусилова имело характер призыва к единению бывш[их] георгиевских кавалеров, служащих в Красной армии с тем, чтобы при возможном изменении политической обстановки применить свои силы для блага Родины. Выступление Брусилова можно считать началом организации б[ывших] георгиевских кавалеров. В условиях советской действительности эта организация была контрреволюционной.

В последующие годы собрания этой организации повторялись вплоть до 1927 года, причем открывал их А.Е. Снесарев, который в своих выступлениях проводил мысль, высказанную Брусиловым»⁷².

На допросе 2 января 1931 г. Надежный заявил: «По тем суждениям, которые высказывал Снесарев, его фигура рисовалась мне контрреволюционной, но о его контрреволюционных планах мне неизвестно. Порою и я сам, критикуя разные мероприятия советской власти, был контрреволюционер. Снесарев, зная мои политические настроения из тех разговоров, которые мы вели, мог считать меня своим человеком, своим единомышленником»⁷³. С.С. Ивановский, также арестованный по делу «Весна», показал, что Снесарев высказывался о возможности интервенции⁷⁴.

Похожие показания дал 5–6 января 1931 г. В.В. Сергеев: «Общая ставка делалась на неизбежность столкновения Советов с капиталистическими странами — интервенцией. Снесарев определенно высказывал мне свой взгляд о вероятности такого столкновения на грани 1928/1929 годов и неминуемое поражение советской власти. Это подкреплялось наличием ряда экономических затруднений Союза, неверием в боеспособность Красной армии, наличием остатков капиталистических элементов и технической интеллигенции в стране, в массе все еще настроенной антисоветски; из всего этого ставка на неизбежность внутреннего восстания при интервенции».

⁷² Там же. Т. 37. Л. 12.

⁷³ Там же. Т. 96 (74). Л. 8.

⁷⁴ Там же. Т. 26. Л. 3.

Все мероприятия советской власти встречались нами критически, по выражению одного из идеологов — Снесарева, как утопические эксперименты, долженствующие привести, безусловно, Россию к гибели. Особенной нервности это достигло в период обострения классовой борьбы и перехода советской власти к ликвидации остатков капиталистических элементов в стране.

Удачам советской власти на ее внешних и внутренних фронтах мы, в большинстве все время сидящие в кабинетах, никуда не выезжая и лично ничего не видя, не верили; распространяли слухи о преувеличениях, особенно газетных данных и официальных брошюр.

Неудачам Союза на тех же фронтах и, особенно, разногласиям внутри партии злорадно радовались и их раздували.

Одним из таких теоретических идеологов вышеприведенных взглядов среди старого Генштаба являлся бывший генерал Снесарев, от которого я лично слышал эти установки и квартира которого, безусловно, являлась одним из наших политических центров.

Исходя из вышеизложенного, весь кадр старого Генштаба, находящийся на сегодняшний день в Союзе, разделит бы на три категории. Первая — к которой я отношу отдельные единицы старого Генштаба, идейно перешедшие на сторону советской власти и полностью идущие в ее рядах. Вторая — “попутчики” — небольшая группа, служащая Советам — вроде Лебедева П.П., Шиловского Е.А., Кука, Перемыткова, Межевинова, Варфоломеева и других.

Лиц обоих этих групп Снесарев называл фиолетовыми. Третья — вся остальная масса, “активисты”, враждебно относящиеся к советской власти и стремящиеся вредить ей при всяком удобном и неудобном случае. Последняя группа в определенные моменты политической жизни Союза выделяла кадры во вредительские организации, объединяясь на вышеизложенных идеологических установках с другими невоенными подобными элементами»⁷⁵.

Е.М. Голубинцев отметил, что Снесарев интересовался настроениями казачества⁷⁶. А.Д. Тарановский, вспоминая разговоры 192–1924 гг., показал 10 января 1931 г., что со Снесаревым обсуждал поправление политики РКП(б), отступление в сторону капиталистического хозяйства в период НЭПа, продолжавшееся недоверие к военспецам, неудовлетворенность положения и поиски выхода. Тарановский отметил:

⁷⁵ Там же. Т. 3144 (176). Л. 9–11.

⁷⁶ Там же. Т. 75 (97). Л. 20.

«Разговаривая со мной, Снесарев интересовался настроением фронта и войсковых частей, откуда я недавно вернулся и в связи с назначением меня на должность начальником (так в документе. — А.Г.) КВТ⁷⁷, сохранившимся кадром работников последнего»⁷⁸.

Н.Л. Владиславский-Крекшин заявил, что «собрания у Снесарева носили характер вечеринок, избраны были потому, что среда, которая там находилась, была одинаково культурно-мыслящей и могла понимать без распространенных толкований взгляды отдельных лиц и не выносить их наружу, ибо каждый из присутствующих — в большинстве бывш[их] офицеров, в котором заложены чувства чести и морали»⁷⁹. С.Н. Квашнин-Самарин отметил, что по субботам два раза в месяц у Снесарева играли в винт⁸⁰. Разумеется, за игрой происходили и различные разговоры.

Ряд фигурантов дали достаточно откровенные характеристики на Снесарева. Бывший генерал А.Г. Лигнау 12 апреля 1931 г. отметил, что Снесарев — «человек с большим образованием, имевший солидное научное имя не только в России, но и за рубежом. Глубоко честный, прямолинейный, твердых убеждений, откровенный, без задних мыслей, неспособный на компромиссы.

Указанные основные свойства характера находят полное отражение и в политической сущности А.Е. Снесарева, твердо исповедующего свое политическое “крedo” без колебаний, без изворотливости и с такой же прямолинейностью... Изложенные выше свойства характера А.Е. Снесарева создавали атмосферу глубокого уважения окружающих и тот авторитет, каким он пользовался всегда среди своих товарищей и подчиненных»⁸¹. При этом Лигнау охарактеризовал Снесарева как монархиста.

Военный специалист РККА, бывший начальник штаба Отдельной Уральской армии белых генерал В.И. Моторный показал: «Я помню, например, как на квартире у Снесарева, в довольно большом обществе, примерно в 1924 г., я рассказывал о своем участии в Гражданской войне на стороне белых, причем часть тех фактов, которые я в свое время скрыл перед следственными властями ОГПУ, здесь я откровенно излагал. Мне и в голову не приходила мысль о возможном доносе. Та же мысль, очевидно, отсутствовала и у Снесарева, предложившего мне, ввиду боль-

⁷⁷ КВТ — Корпус военных топографов.

⁷⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 5.

⁷⁹ Там же. Т. 80 (102). Л. 20 об.

⁸⁰ Там же. Т. 182 (243). Л. 6.

⁸¹ Там же. Т. 59. Л. 46.

шого интереса, вызванного рассказом, изложить все это на бумаге. На предложение я ответил отказом, который мотивировал опасением, что при возможном у меня, как у быв[шего] белого, обыске записанное может быть отобрано и послужит уликой. Со своей стороны, Снесарев сказал, что можно по мере накопления написанного материала постепенно сдавать этот материал ему на хранение. У себя он обыска не ждал»⁸².

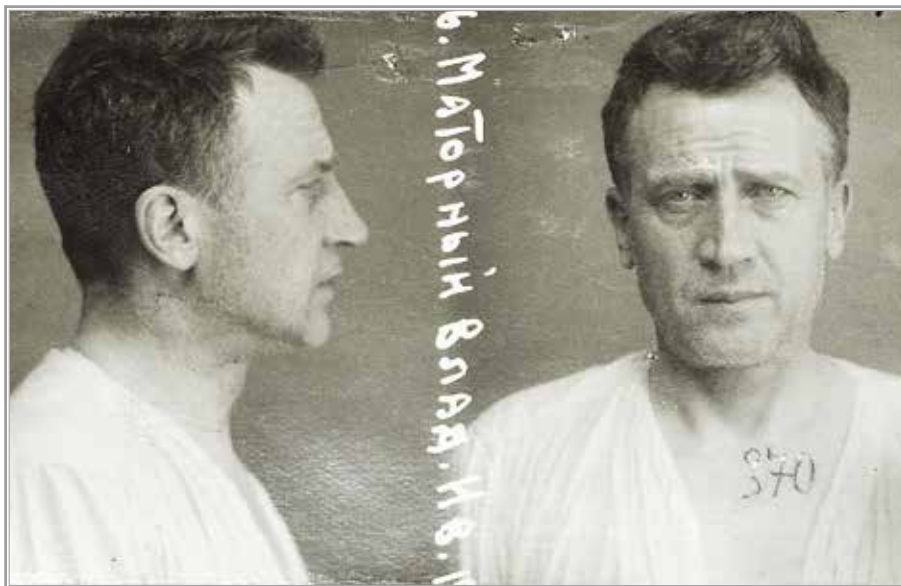
О том, что все дело являлось фальсификацией, свидетельствуют сходство дел РНС и «Весна», противоречивость полученных следствием показаний, регулярные подчистки и изменения этих показаний в нужном следствию направлении, отсутствие каких-либо вещественных доказательств, а также то, что ряд упоминавшихся в показаниях лиц избежали ареста (С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников) или были быстро освобождены (М.Д. Бонч-Бруевич). Об этом же свидетельствует и характер следственных материалов, когда в качестве новых протоколов допросов представлялись по-новому скомпонованные и дополненные фрагменты прежних допросов. Руководителями контрреволюционной организации одни называли Снесарева и Лигнау, другие — Снесарева и Брусилова, третьи — Снесарева и Лукирского, четвертые добавляли Верховского и Свечина. Различались и датировки существования организации — с 1918 г., с 1920 г., с 1923 или 1924 г. Доходило до откровенно абсурдных признаний. Так, бывший генерал Лигнау показал, что подпольщики планировали установить военную диктатуру Снесарева, а в качестве губернаторов назначить бывших офицеров-генштабистов⁸³.

Одни из самых подробных показаний Снесарева датированы 19 января 1931 г. Частично в них повторялось то, что он сообщал ранее, но с дополнениями и уточнениями, призванными придать стройность всей вымышленной структуре. Допрос следователем Перлиным начался с исторической справки, а завершился рассказом об организации. И если сведения о последней представляются вымыслом, то исторические наблюдения Снесарева, хотя и написанные, видимо, под диктовку следователя (например, рассуждения Снесарева об офицерах Генштаба с указанием на *их*, а не на *наше* мышление), отчасти соответствуют действительности.

«Разложение царской армии весной 1917 г. дало офицерам русского Генерального штаба категорическое указание, что старый государственный порядок лишается своей последней и единственной опоры и что

⁸² Там же. Т. 141 (195). Л. 165 об.

⁸³ Там же. Т. 59. Л. 90.

Владимир Иванович Моторный. ГАСБУ

часы его бытия сочтены. Их (sic! — А.Г.) военное мышление не могло представить дело в каком-либо ином свете, оно же им говорило, что восстанавливать разрушенное здание теперь уже поздно, и что этот момент нужно ловить в каком-то пока туманном будущем.

Гражданская война (1917—1920) явилась тем периодом, в течение которого на советскую территорию перешло подавляющее большинство лиц старого Генерального штаба — развивающаяся на наших глазах Гражданская война являла собой картину трудной и часто колеблющейся борьбы двух политических сил: восходящей новой и слегка подмалеванной старой; последняя поддерживалась всем капиталистическим миром Запада. При таком соотношении сил победительницей все же вышла, в конце концов, советская власть. Почему мы, старые генштабисты, в преобладающем числе обратились к этой именно власти[?] За исключением очень редких единиц, которые пророчески усматривали в новой власти гарантию сохранности бывшего государственного достояния, большинство несомненно шло под влиянием растерянности, трудности покинуть свою страну и свои семьи и боязни не найти кусок хлеба вне родины. Все эти мотивы при всем их реализме и властности, конечно, были недостаточны, чтобы уничтожить или хотя бы даже значительно изменить в нас то миропонимание и те стремления, которыми мы долго жили до данного исторического момента и, если старые наши убеждения временно замолкли, то они были лишь затаены, скрыты поневоле, чтобы тем ярче оживиться при первом благоприятном случае.

И последнее было тем более естественно, что мы слишком много теряли в прошлом и не имели права ожидать в будущем чего-либо и приблизительно эквивалентного. До революции служебная дорога Генерального штаба полна была привилегий и блеска: мы — “мозг армии”, мы — постоянные начальники, распоряжавшиеся массами, которые будут численно расти с ростом наших чинов, мы — материально хорошо обставленные люди, многие из нас к закату своей политической карьеры будут первыми людьми в своей стране... министры, генерал-губернаторы. В пролетарской же стране нас ожидала выровненная со всеми дорогами труда, без блеска и почестей, с уравненным и скромным достоянием за содеянную работу.

Отдельные единицы из наиболее сильных и фанатичных генштабистов перешли под советскую власть с сознательной целью подрывать эту власть изнутри, изучив с близкого расстояния ее слабые стороны и используя удачные моменты.

Мы, офицеры Генерального штаба, оставшиеся после Гражданской войны на советской территории, вольно или невольно были захвачены бурным строительством новой жизни; большинство из нас оказалось на командных высотах, и в материальном отношении мы были поставлены настолько высоко, что не переживали особо резкого социального и материального понижения. Конечно, это временное благополучие, все же не лишенное материальных уцербов, а, главное, с малонадежными перспективами в будущем, не могло затемнить нашего политического сознания, так как теперь мы все-таки были пасынками по сравнению с ролью баловней в прошлом, почему старые воззрения и надежды в нас уснуть не могли»⁸⁴.

Если верить этим показаниям, в среде служивших в РККА бывших офицеров на фоне свертывания НЭПа и внутрипартийной борьбы активизировалось обсуждение возможных действий в случае падения большевистского режима. В суть течений внутри ВКП(б) военспецы не вникали, воспринимая начавшееся брожение как слабость властной группировки. Сильное влияние на настроения «бывших» оказала опала Л.Д. Троцкого, ранее сотрудничавшего с ними и благосклонно относившегося к некоторым генштабистам. На отрицательные настроения влияли начавшаяся коллективизация, недовольство населения в СССР, ухудшение снабжения. Отмечались перемены на международной арене, угроза внешнего вмешательства. Все это укрепляло мысли о непрочно-

⁸⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 165—167.

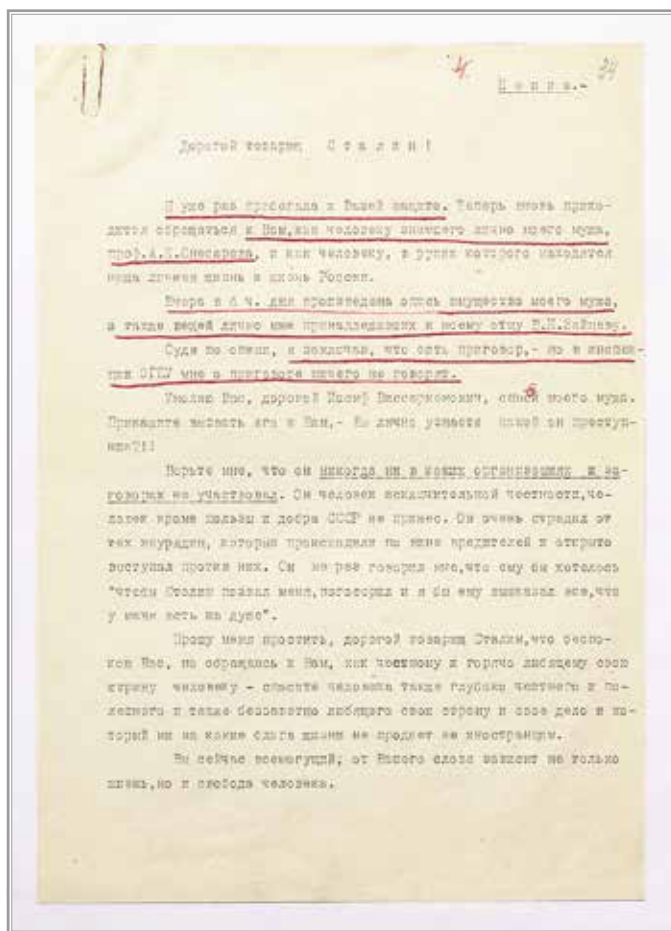
сти большевиков. На этом фоне, согласно показаниям, возникла идея объединения генштабистов старой школы и перестраховки на случай возможных перемен.

Видную роль в сплочении офицеров в первой половине 1920-х гг. играл генерал А.А. Брусиллов. Его воззвание к офицерству 1920 г. послужило импульсом к последующему объединению «бывших» в советских условиях. Впрочем, Снесарев не прокомментировал хронологические нестыковки — свертывание НЭПа произошло уже после смерти Брусиллова, последовавшей в марте 1926 г. Якобы именно Брусиллов, ездивший на лечение в Чехословакию, узнал и сообщил товарищам в СССР, что в среде военной эмиграции никакого предубеждения против военспецов нет, что давало надежду на возможность взаимодействия в будущем. Центром организации была Москва, где концентрировались кадры старого Генштаба. Оформление группы единомышленников в организацию, по тем же материалам, произошло в 1927 г.

Далее в показаниях излагалась организационная структура объединения. Снесарев привел расширенный список членов организации. Члены объединения были убеждены в падении советской власти. Якобы в этих целях они пытались искать сторонников, влиять на общественное мнение, вести подрывную работу в Красной армии и т.д. Особое внимание обращали на казачество как потенциально контрреволюционный элемент.

Отдельные фрагменты этой части показаний вызывают доверие. Например, оценка менталитета бывших офицеров: «Политико-экономическая обстановка страны за года 1921—27 помогала сама собою наращению враждебных чувств к советской власти среди старых военспецов, а одинаковость исходных убеждений делала связь между ними более, чем естественной, но нельзя упускать из виду, что бывшие офицеры были разбросаны на безграничных пространствах нашей территории, да и те из них, которые ступились в Москве, были скрыты (среди них даже бывшие офицеры Генер[ального] штаба) под различной маской всевозможных профессий, ничего общего с военным делом не имевших, кроме того, многие из бывших офицеров были без мест, пришиблены жизнью, некоторые давно пали духом, вовсе изверившись, многие были в большой нужде»⁸⁵. Якобы участники организации могли помогать друг другу в кадровых и материальных вопросах. Так, генштабист Суворов мог влиять на подбор преподавателей военно-учебных заведений.

⁸⁵ Там же. Л. 180—180 об.

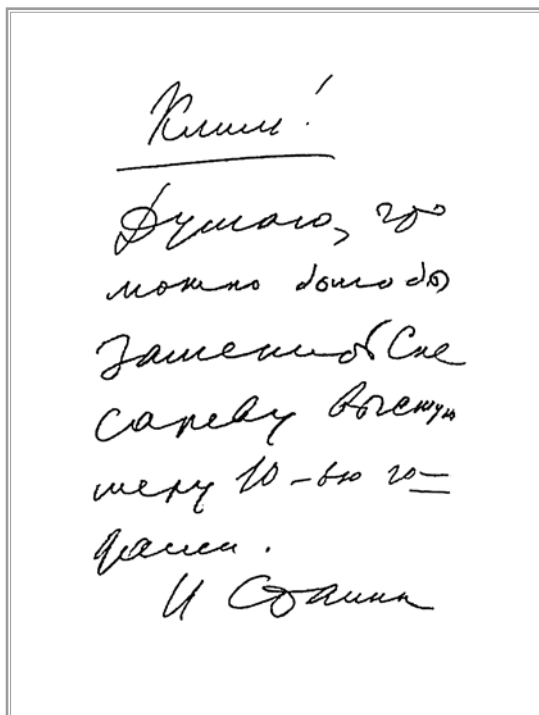
Копия письма Е.В. Снесаревой И.В. Сталину. Январь 1931 г. РГАСПИ

В начале 1931 г. семье стало известно о новом приговоре Снесареву. Как вспоминала дочь Андрея Евгеньевича, «мама снова металась между прокуратурой и приемной, снова с кем-то встречалась, писала заявления, письма, слала телеграммы»⁸⁶. Тогда или ранее супруга Снесарева отправила телеграмму И.В. Сталину: «Прошу приостановить приговор мужу проф. Снесареву, лично Вам известному. Подробности письмом. Снесарева»⁸⁷. Возможно, это повлияло на решение.

Усилия супруги Снесарева, по-видимому, принесли результат. В ноябре 1989 г. в Лондоне на аукционе Сотбис была продана подлинная записка И.В. Сталина К.Е. Ворошилову со следующим текстом: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю го-

⁸⁶ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

⁸⁷ Там же.

Записка И.В. Сталина К.Е. Ворошилову

дами. И. Сталин»⁸⁸. К сожалению, точная дата этой записки неизвестна, как и то, каким образом и откуда документ попал в Великобританию. Со Снесаревым Сталин работал еще в 1918 г. в Царицыне. Разумеется, в 1930-е гг. ни заслуги, ни способности не играли никакой роли в судьбе человека. Тем не менее 8 января 1931 г. приговор Снесареву и Озерову был аннулирован, затем 13 января был вынесен новый расстрельный приговор, но расстрел заменили десятью годами концлагеря, что нашло отражение в постановлении Коллегии ОГПУ от 13 января 1931 г. Снесарев был осужден по статьям 58-4, 58-8, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР⁸⁹. Семья бывшего генерала подлежала высылке из Москвы, а имущество — конфискации.

22 января супруга Снесарева отправила письмо Сталину с просьбой оставить мужа отбывать срок в Москве, не высылать семью, отменить конфискацию имущества: «Дорогой товарищ Сталин! Я уже раз

⁸⁸ Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 408. Факсимиле документа опубликовано на вклейке той же книги. Вместе с запиской были проданы еще одна записка Сталина Ворошилову, телеграмма Ворошилова Сталину по поводу Снесарева, телеграмма супруги Снесарева Ворошилову, а также восемь фотографий Снесарева.

⁸⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 82.

прибегала к Вашей защите. Теперь вновь приходится обращаться к Вам как [к] человеку, знавшему лично моего мужа, проф. А.Е. Снесарева и как [к] человеку, в руках которого находятся наша личная жизнь и жизнь России.

Вчера в 4 ч. дня произведена опись имущества моего мужа, а также вещей, лично мне принадлежавших и моему отцу В.Н. Зайцеву.

Судя по описи, я заключаю, что есть приговор, но в инспекции ОГПУ мне о приговоре ничего не говорят.

Умоляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, спасти моего мужа. Прикажите вызвать его к Вам — Вы лично узнаете, какой он преступник?!!

Верьте мне, что он никогда ни в каких организациях и заговорах не участвовал. Он человек исключительной честности, человек, кроме пользы и добра, СССР [ничего] не принес. Он очень страдал от тех неурядиц, которые происходили по вине вредителей и открыто выступал против них. Он не раз говорил мне, что ему бы хотелось, “чтобы Сталин позвал меня, поговорил, и я бы ему высказал все, что у меня есть на душе”.

Прошу меня простить, дорогой товарищ Сталин, что беспокою Вас, но обращаюсь к Вам как [к] честному и горячо любящему свою страну человеку — спасите человека, так же глубоко честного и полезного и так же беззаветно любящего свою страну и свое дело и который ни за какие блага жизни не продает⁹⁰ ее иностранцам.

Вы сейчас всемогущий; от Вашего слова зависит не только жизнь, но и свобода человека.

Спасите нам отца и мужа — поручкой его служит вся его огромная семья, которую, лишая отца, еще отнимают имущество и библиотеку, которая необходима сыну — студенту института востоковедения для его работ по Востоку.

Своим человеколюбием Вы еще больше приобретете себе друзей.

Прошу простить измученную жену и мать шести детей.

Благодарная Вам до конца жизни Е. Снесарева.

П.С. Знаю, что Вы слишком заняты, но уделите минуту и сегодня же примите меры⁹¹.

⁹⁰ Так в машинописной копии. В оригинале, вероятно, «не продает».

⁹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 850. Л. 34–35. Явные ошибки исправлены без оговорок. Сохранены авторские подчеркивания. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» sovdoc.rusarchives.ru.

Письмо содержало едва ли не требования к Сталину незамедлительно принять меры, а также указания на то, что от решений вождя зависели судьбы людей, что подчеркивало неправомерный характер судебной системы СССР.

На следующий день (впрочем, на самом письме дата та же — 22 января) последовало новое письмо: «Дорогой товарищ Сталин!

Вчера я Вам написала письмо, не зная еще приговора, но позднее я узнала и его.

Муж мой, проф. Снесарев, приговорен к 10 годам концлагеря, конфискации имущества и высылке всей семьи.

Иосиф Виссарионович, прошу Вас, если возможно, оставить мужа отбывать наказание здесь в Москве, дабы он мог продолжать свои научные работы — закончить четыре (здесь и далее — разрядка документа. — А.Г.) тома “Индии”, из которых один уже напечатан, а второй почему-то Госиздат не выпускает, хотя книга полностью набрана, сверстована, и проведено 4 корректуры и 5 рецензий, находящих, что труд очень ценен и необходим.

Прошу также из описанных вещей не лишать семью библиотеки мужа, по которой в данный момент работает мой больной туберкулезом сын также востоковед, в прошлом году окончивший институт востоковедения; рояля — двое очень музыкальных детей готовятся в музыкальный техникум, что им даст в будущем кусок хлеба, а также пишущей машинки, которая служит единственным средством существования семьи из 10 человек, живущих сейчас на иждивении деда 80 лет — персональника⁹², получающего 70 руб. в месяц.

Кроме этого, просила бы облегчить участь ни в чем не повинной семьи — отменой высылки, как меры излишне суровой, примененной к человеку 13 лет совершенно безупречно прослужившему и создавшему два таких учреждения как Военная академия и институт востоковедения.

В данный момент у меня 5 больных гриппом, из которых у сына 2-х лет воспаление легких, а [у] старшего туберкулез легких и горла.

Надеясь только на Вас, Иосиф Виссарионович, остаюсь горячо благодарная в ожидании Вашей защиты, а буде возможно и приеме меня лично Вами. Е. Снесарева»⁹³. Так или иначе, но ни высылка, ни конфискация не состоялись.

⁹² То есть получающего персональную пенсию.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 850. Л. 36–36 об.

Тем временем Снесарева продолжали допрашивать. 24 января состоялся новый допрос, на котором арестованный сообщил очередные нужные следователю Перлину данные. На этот раз речь шла о контактах с В.А. Ольдерогге. Позднее также проводились похожие краткие допросы с новыми показаниями на тех или иных лиц — А.И. Верховского, М.М. Катанского, Д.Н. Надежного.

2 апреля 1931 г. уполномоченный Л.М. Перлин рассмотрел дело Снесарева и нашел, что арестованный «проходит по следственному делу за № 104854 как один из активнейших организаторов военно-контрреволюционной организации б[ывших] генштабистов и что по этому делу Снесарев А.Е. ранее не привлекался»⁹⁴. Началось новое следствие, но о развитии этого, уже третьего, дела данных нет. Допросы Снесарева продолжались и весной 1931 г. Обсуждались его взгляды, сотрудничество с иностранцами и т.д. В этот период Снесарев признался, что был сторонником конституционной монархии⁹⁵.

Дело Снесарева представляется не совсем обычным не только из-за личного вмешательства Сталина, Ворошилова и других видных государственных деятелей СССР. Снесарев осуждался постановлениями Коллегии ОГПУ трижды, причем все три раза по делу РНС. В третий раз — 18 июля 1931 г. постановлением Коллегии ОГПУ по статьям 58-4, 58-7, 58-10, 58-11. Приговор был аналогичным прежнему — расстрел с заменой десятью годами лагерей. Снесарева признали виновным в том, что он якобы занимался антисоветской деятельностью, с 1920 по 1926 г. являлся одним из организаторов и активных участников контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз», ставившей своей целью свержение советской власти и установление в СССР монархического строя⁹⁶. После вынесения приговора арестованного перевели из Внутренней тюрьмы ОГПУ в Бутырскую тюрьму.

В материалах по делу «Весна» сохранилась копия датированного августом 1931 г. рапорта заместителя начальника Особого отдела ОГПУ Л.Б. Залина на имя заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды: «Прошу Вашего разрешения о задержке приведения в исполнение приговора Коллегии в отношении арестованных (следственное дело № 104854) Снесарева Андрея Евгеньевича, Лукирского Сергея Георгиевича, Лиг-

⁹⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 92.

⁹⁵ Там же. Л. 202.

⁹⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 82.

Пишущая машинка, спасшая семью Снесаревых от голодной смерти в период репрессий

нау Александра Георгиевича, Свечина Александра Андреевича, Балтийского Александра Алексеевича, Высоцкого Ивана Витольдовича, Владиславского-Крекшина Николая Леонидовича, Бесядовского Константина Ивановича, Базаревского Александра Халилевича, Сапожникова Николая Павловича, Сухова Василия Георгиевича, Голубинцева Евгения Матвеевича, Сегеркранца Сергея Карловича, Яковлева Ивана Федоровича, Тихоцкого Николая Львовича, т.к. указанные лица представляют собой ценных опытных военных специалистов и использование их по специальности в Москве являлось бы вполне целесообразным»⁹⁷.

26 сентября 1931 г. супруга Снесарева получила открытку из тюрьмы: «Дорогая Женюра, приходи на свидание в Бутырский изолятор 28 сентября. Приноси деньги и вещи. Целую. Андрей 22-IX-31 г.»⁹⁸.

Дочь Евгения вспоминала: «Мы были отделены от папы двумя решетками, между которыми ходили два охранника. Народу было страшно много и за той решеткой и за этой. Все кричали, папу было плохо видно и плохо слышно. Свиданье длилось 15–20 минут. Каким-то образом мы узнали, когда будет отправляться из Москвы этап, и пробрались на Октябрьский вокзал. Это было ночью на дальних путях. Мы действительно видели этап — серых людей с мешками, которых вели к поезду. Среди

⁹⁷ Там же. Т. 7. Л. 216.

⁹⁸ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

них был и папа, мы ему крикнули, он помахал рукой, не знаю, видел ли он нас»⁹⁹.

28 сентября 1931 г. Снесарева этапировали в Свирские лагеря, где он пробыл до октября 1934 г.¹⁰⁰ В составе этапа находились выдающийся отечественный философ А.Ф. Лосев, профессор психологии Н.В. Петровский, архиепископ Федор (Поздеевский), несколько священнослужителей. Условия этапирования были тяжелыми. Так, 3 октября этапу пришлось идти пешком 40 верст от станции Свирь¹⁰¹. Лагерные условия оказались еще суровее. Жить приходилось в палатке, даже зимой, работать сторожем, грузчиком, водоносом. Изнурительный физический труд, порой с риском для жизни, холод, голод, плохое питание, болезни, пребывание рядом с уголовниками, пьянство, воровство, грязь, вши — таковы были «своеобразные условия»¹⁰², как писал Снесарев, лагерной повседневности, с которой он вынужденно сталкивался. Так власть распоряжалась интеллектуальной элитой страны.

Привлекался Снесарев и к канцелярским работам. Занимаясь учетом работ по сплаву леса, он ездил между лагерями и лагерными пунктами. В этих поездках происходили встречи с прежними товарищами, мыкавшими лагерную долю, как и он сам — К.И. Бесядовским, Н.Л. Владиславским-Крекшиным, А.Г. Лигнау, С.К. Сегеркранцем.

В 1932 г. состоялось свидание с супругой, которая привезла домой напутствие Снесарева детям: «Дорогие мои сыночки, внимательно слушайте все, что скажет вам мама и пусть все это глубоко западет в ваши сердца. Вы уже большие, вам уже многое становится яснее, положение наше — семьи, мое, мамино, ваше — для вас теперь открытая книга. Скорее становитесь на ноги, учитесь прилежно, работайте упорно... Вы не дети генерала, путь которых был усеян розами, ваш путь должен быть усеян трудом и потом... каждый ваш шаг вперед несет мне покой и надежды... Папа»¹⁰³. Позднее к отцу приезжала дочь.

9–10 апреля 1932 г. Снесарев записал в дневнике: «Хорошо ли или дурно, но у нас осуществлен социализм, и его природу можно изучать

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Жданова Я.А.* Свирлаг. 1931–1937. СПб., 2021; *Муравьева М.В.* Свирлаг. 1931–1937. СПб., 2021; *ее же.* Заключенные Свирлага. СПб., 2022.

¹⁰¹ *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 2007. С. 168; *Стоюхина Н.Ю.* Психотехник Н.В. Петровский: открывая заново // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 104.

¹⁰² Лагерные дневники генерала Снесарева / Публ. П.А. Васильева // Свирьлаг и свирские новомученики в истории Русской православной церкви. СПб., 2023. С. 79.

¹⁰³ *Снесарева Е.А.* Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

Николай Леонидович Владиславский-Крекшин

воочию... Мы голодны, а ведь Дуров каких только животных не приручает голодом, да еще заставляет представлять самые невероятные вещи! Мы страшно все тоскуем по семьям и за лишнюю весть домой мы готовы многим поступиться»¹⁰⁴. 1 мая 1932 г. Снесарев с грустью отметил, что уже третью Пасху встречает вне семьи¹⁰⁵.

Несмотря на свалившиеся на него испытания, Андрей Евгеньевич внимательно наблюдал за окружающей действительностью и размышлял о будущем страны. 14 апреля он записал: «Виденное в деревне (беднота, пьянство, ругань, дикие порядки, ведущие к разору, грядущий голод) вызывало во мне чувство большой тревоги. Не накануне ли наша страна пред каким-то большим крахом или несчастьем? Даже маленький удар (война, недород) для нас теперь невыдержим»¹⁰⁶.

Интеллигентным заключенным было особенно тяжело. Снесарев отмечал, что его товарищи А.Ф. Лосев и И.И. Ульянов систематически не достаивали дежурств, «у них масса соображений, их оправдывающих, а суть в том, что они ленивы... и физически совсем не тренированы, им встать трудно, спать хочется... Вообще компания для выполнения общего дела ненадежная и опасная»¹⁰⁷. Размышляя о роли интеллиген-

¹⁰⁴ Лагерные дневники генерала Снесарева. С. 54.

¹⁰⁵ Там же. С. 65.

¹⁰⁶ Там же. С. 61.

¹⁰⁷ Там же. С. 62.

ции в пережитом им и другими, Снесарев писал 15 апреля, что «из нее (интеллигенции. — А.Г.) только дурак не совет веревок»¹⁰⁸. В то же время он понимал, что «вина лежит... на самой системе, которая мнет как жернов все, что попадает под ее жестокую тяжесть» (запись от 18 июня 1932 г.)¹⁰⁹.

«Палата наша полна урков, а оттуда шум, мат, болтовня, брань, нервность, пение, пляс... целый ад. Урку я теперь узнаю за версту, настолько он типичен. Он жесток, шумлив, нервен, по-своему самолюбив, хороший актер, циничен, грязен... Его внешность также типична: чаще небольшой рост, худоватость, неуклюжесть в корпусе и походке, какое-нибудь уродство (шрам, раскосость, безручие, безножие). Словом, физически он так же противен, как и духовно. И, прежде всего, полная аморальность и вранье. Эти люди — пустой балласт страны, они непоправимы, т.к. гнилы насквозь и давно перешли линию поправляемости. Моральная упругость их безнадежно сломана»¹¹⁰, — записал Снесарев 7 мая 1932 г. Уголовников Снесарев считал садистами с притупленной чувствительностью, страдал, видя, как те мучили лошадей: «Да он убьет отца родного, если последний ему не угодит, а бедная лошадь?»¹¹¹ Лагерная работа, по оценке Снесарева, была, во многом, бессмысленной. «Словом, настоящая туфта, а энергии, мускульной и особенно нервной, пожирается уйма, совершенно неэквивалентная добытым результатам» (запись от 3 июня 1932 г.)¹¹². Признавал он и невысокую эффективность принудительного труда. 9 сентября в дневнике отмечено, что из лагеря «рискует выйти не воспитательный аппарат, а пожирающая и преждевременно исчерпывающая людей машина»¹¹³.

На страницах лагерного дневника Снесарева немало надежд на улучшение отношения к старым специалистам, на освобождение ученых и т.д., оказывавшихся в итоге необоснованными.

Бывшие офицеры, вообще интеллигентные заключенные инстинктивно тянулись друг к другу. За арестованными следили. Меморандум по делу о бывшем белом и кадровом офицерстве Свирлага по данным к 25 января 1932 г. содержал данные об оценке Снесаревым текущих международных событий. Секретный осведомитель «Кооператор» со-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 73.

¹¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹¹ Там же. С. 68.

¹¹² Там же. С. 72.

¹¹³ Там же. С. 87.

общал, что делопроизводитель лазарета отдельного лагерного пункта Важино Снесарев в беседе с заведующим лазаретом врачом И.П. Клиницким и «Кооператором» обсуждал дальневосточные события. Говорили, что Япония готовится к войне против СССР, планируя захватить территории до Байкала, а весной наступит развязка. Говорили о неустойчивом положении СССР и о том, что в случае войны с Японией СССР не устоит. Связывали это и с поддержкой японцев со стороны ведущих держав — Франции, Италии и других, а также с техническим превосходством японской армии¹¹⁴.

Осведомитель «Александров» отмечал, что Снесарев в последнее время часто беседовал с бывшим офицером В.М. Фришем на политические темы¹¹⁵.

В меморандуме к 13 февраля 1932 г. агент «Бельский» отмечал, что 21 января Снесарев имел свидание с приехавшей из Москвы супругой. Присутствовавший при этом заключенный А. Полушкин рассказал, что Снесареву привезли чертежи, рукописи, книгу, присланную из-за границы, и много чистой бумаги для каких-то работ. Снесарев просил супругу побывать в Москве на приеме у некоего влиятельного лица из военных кругов, а также разыскать в архиве справки о службе Снесарева в старой армии. Отмечалось, что Снесарев с супругой нелегально посетили другого заключенного, бывшего генерала А.Г. Лигнау. Супруга Снесарева рассказывала, что жены арестованных военных в Москве объединились и поддерживали связь, осведомляя друг друга обо всех мелочах, касавшихся лагерной жизни их мужей¹¹⁶.

Когда 7 февраля 1932 г. в лагерь приехала супруга арестованного бывшего генерала А.А. Балтийского, лагерная администрация смогла выяснить, что супруга Снесарева привезла в Москву много нелегальных писем.

По итогам этих событий заместителем начальника информационно-следственного отдела управления Свирлага Савичем-Бунимовичем предписывалось усилить наблюдение за Снесаревым, свидания разрешать только на общих основаниях, перед свиданиями и после них требовалось проводить тщательные обыски.

Сводка к 22 марта содержала сообщение осведомителя «Августа» о том, что А.Г. Лигнау беседовал с другим заключенным, сообщив тому,

¹¹⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 23.

¹¹⁵ Там же. Л. 24.

¹¹⁶ Там же. Л. 39—40.

что на Снесарева за год до дела «Весна» было заведено отдельное дело по связи с профессурой гражданских вузов. Лигнау предполагал, что это дело могло быть реальным¹¹⁷. Сводка к 26 марта зафиксировала беседу Снесарева с Лигнау о том, когда ожидается прибытие супруги последнего. Снесарев попросил разрешения навестить супругов Лигнау, на что получил согласие¹¹⁸.

Жизнь Снесарева в Свирлаге в качестве канцелярского служащего постепенно обустроилась. Ощутимым подспорьем были посылки из дома. Супруга отправляла ему сухари, масло, мед, яблоки и даже красную икру¹¹⁹. В августе 1932 г. находившимся в лагерях работникам умственного труда было предложено вести литературную и научно-исследовательскую работу. Понятно, что возможности для этого были ограничены. Снесарев выразил желание подготовить вторую и третью части книги «Индия. Страна и народ»¹²⁰ (в лагерных дневниках он не раз обращался к опыту этой страны), мемуарно-исследовательский труд «Во главе двух дивизий», а также «Очерки современной стратегии» и «Курс современной стратегии». Однако осуществить задуманное не удалось.

Уже осенью 1932 г. Снесарева перевели в Соловецкий лагерь, где ученому пришлось красить деревянные фигурки, трудиться в полировочном цеху, служить банщиком, таскать по 40–50 ведер воды, колоть дрова, работать грузчиком. Беззащитные «политические» подвергались периодическим грабежам со стороны уголовников. После обращения супруги Снесарева в прокуратуру Андрея Евгеньевича перевели на материк в Кемь — в лагерный пункт Вегеракша, где приходилось быть разнорабочим, банщиком, подносчиком. Позднее он смог заняться более близким к своей специальности трудом — вел занятия по математике и экономической географии, читал лекции о странах Востока, работал библиотекарем.

В 1933 г. у Снесарева начались проблемы со здоровьем, усугубившиеся в 1934 г. Случился инсульт. Удалось добиться перевода в больницу им.

¹¹⁷ Там же. Л. 136.

¹¹⁸ Там же. Л. 133.

¹¹⁹ Лагерные дневники генерала Снесарева. С. 81.

¹²⁰ Первая часть — «Физическая Индия» была издана в 1926 г., к 1929 г. была подготовлена вторая часть — «Этнографическая Индия», за которыми должны были следовать «Экономическая Индия» и «Военно-политическая Индия», однако грандиозный замысел реализовать не удалось (Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М., 1981. С. 3).

А.Е. Снесарев после освобождения. 3 января 1935 г. Последний прижизненный портрет, выполненный сыном Александром

Гааза в Ленинграде, а 27 сентября 1934 г. Снесарев был условно-досрочно освобожден и через месяц вернулся домой. Пребывание в местах лишения свободы подорвало здоровье уже немолодого ученого, через три года, 4 декабря 1937 г., Снесарев скончался. Похоронен он в Москве на Ваганьковском кладбище.

В 1957 г. в связи с заявлением семьи о посмертной реабилитации Снесарева дело подверглось дополнительной проверке. В качестве свидетелей в июле 1957 г. были допрошены знавшие Снесарева лица: генерал-лейтенант запаса, член партии с 1918 г. А.И. Тодорский, генерал-лейтенант в отставке, член партии с 1928 г. Я.П. Дзенит, полковник запаса Ф.П. Никонов, член-корреспондент Академии наук СССР А.А. Губер, профессор Е.В. Агокас и другие. По итогам проверки был сделан вывод о необоснованности осуждения Снесарева.

Ф.П. Никонов показал, что «об аресте Снесарева и его преступной деятельности мне ничего не известно. Лично я по его делу не допрашивался... Личные впечатления о Снесареве: человек знающий военное дело, с большой эрудицией, лекции читал добросовестно; его лекции вызывали интерес слушателей.

В моем присутствии Снесарев никаких антисоветских высказываний не допускал»¹²¹.

¹²¹ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 262–263. Предоставлено семьей Снесаревых.

Я.П. Дзенин на допросе 16 июля 1957 г. сообщил, что знал Снесарева «как хорошего военного специалиста, хорошего организатора, как начальника академии, исключительно культурного человека.

Снесарев пользовался большим авторитетом среди руководящего состава советского гос[ударст]ва и Красной армии, пользовался авторитетом и любовью среди слушателей.

Был очень хорошим воспитателем, как военным, так и общественным.

Не знал и никогда не предполагал и не представляю себе, чтобы он был антисоветским человеком. Всегда его отношение к советской власти было положительным, никаких антисоветских высказываний Снесарев в моем присутствии не допускал, и об этом не говорили другие люди»¹²².

Положительный отзыв дал и бывший секретарь партийной организации Института востоковедения Г.А. Шмидт, учившийся там в 1928—1930 гг.: «В эти годы я был старостой кружка по изучению Индии и дважды избирался секретарем парторганизации института.

Я и другие студенты-коммунисты были убеждены в том, что Снесарев А.Е. был честным патриотом нашей родины, полностью сроднившимся с нашим строем.

Снесарев А.Е. пользовался заслуженным авторитетом и у лучшей части профессорско-преподавательского состава. В те годы А.Е. Снесарев преподавал географию Индии и руководил военным обучением студентов»¹²³. В том же духе были и остальные отзывы. Компрометирующих Снесарева сведений в архивах обнаружено не было. Проверка установила, что Снесарев был осужден необоснованно.

По протесту Главной военной прокуратуры определением № 4н-012751/57 Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 января 1958 г. постановления Коллегии ОГПУ от 13 января и 18 июля 1931 г. в отношении Снесарева были отменены, а дело прекращено по пункту 5 статьи 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР за отсутствием состава преступления. Судя по всему, именно в связи с процессом реабилитации Снесарева его дело так и осталось в Москве, тогда как массив других архивно-следственных дел по процессу «Весна» с осени 1957 г. передавался в Киев.

В результате ареста выдающийся военный ученый и педагог на несколько лет был оторван от возможности плодотворно работать по спе-

¹²² Там же. Л. 261. Предоставлено семьей Снесаревых.

¹²³ Там же. Л. 275.

циальности и подорвал свое здоровье, что привело к смерти. Был приостановлен выпуск уже набранного и откорректированного труда Снесарева «Этнографическая Индия», а набор книги рассыпан.

Арест главы семьи пагубно сказался и на его родных и близких. Сын Снесарева Кирилл, востоковед, болел туберкулезом. В период ареста отца он был вынужден уехать в Сталинабад (Душанбе), где болезнь вследствие отсутствия должной медицинской помощи обострилась. Вернувшись в Москву, он умер 25 июля 1931 г. В 1932 г. скончался тесть Снесарева бывший генерал В.Н. Зайцев. В период ареста отца скончался и другой сын Снесарева Евгений.

Снесарев писал теще О.А. Зайцевой: «Горя так много, что хочется замолчать хоть одно из них; чтобы не задавить слишком человеческое сознание... Прими, дорогая мама, мои соболезнования по поводу нашей общей и тяжелой потери, будь бодра и ищи утешение в том молодом поколении, которое, будем верить, увидит более светлые дни... Дедушка покинул нас не только в тяжелые минуты нашей общей семейной жизни, но и, вообще, в очень сложные моменты жизни и родины, и, пожалуй, всего мира... Твой сын, живущий под небом севера»¹²⁴.

История ареста Снесарева отличалась рядом особенностей. Речь шла о центральной фигуре сразу двух контрреволюционных организаций. Будучи арестован по одному делу (РНС), Снесарев продолжил проходить в местах заключения по другому делу («Весна»). Из одного дела было сформировано два, имевших много общего между собой (единое руководство в лице Брусилова и Снесарева, похожие способы взаимодействия в виде собраний георгиевских кавалеров). При этом человек, представленный следствием в качестве главы этих двух организаций, расстрелян не был, в отличие от целого ряда менее значимых фигурантов. Следствие в тот период носило обвинительный характер и, по-видимому, несколько месяцев с августа 1930 г. по январь 1931 г. Снесарев находился под отложенным расстрельным приговором по делу РНС, что использовалось для получения от него нужных показаний уже по делу «Весна». Для освобождения арестованного семьей были мобилизованы все имевшиеся связи, супруга ученого обращалась к первым лицам СССР с просьбами о помощи, причем смогла добиться ответной реакции. Личное вмешательство Сталина, которое привело к тому, что Снесареву сохранили жизнь, произошло, по-видимому, именно вследствие таких обращений.

¹²⁴ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

Арест и пребывание в тюрьмах и лагерях стали тяжелым испытанием для уже немолодого ученого, подорвали его здоровье и ускорили уход из жизни. Арест вредил не только самому арестованному, но и широкому кругу его близких. Навредил он и подготовке командных кадров РККА, и советской военной науке, поскольку выключил из активной научной деятельности крупного военного ученого, значимые труды которого по ряду вопросов остались ненаписанными. То же самое относится к арестам А.А. Свечина и других военных ученых. И все же по итогам этого первого массового дела против военных многие из арестованных вышли на свободу.

Ко второй половине 1930-х гг. политика и практика репрессий заметно ужесточились. И хотя Снесарев умер своей смертью, в результате организованного властями СССР Большого террора оказалась физически истреблена целая плеяда высококвалифицированных специалистов, крупных военных ученых старой школы, к которой он принадлежал. Подобная государственная политика являлась преступной, нанесшей невосполнимый ущерб стране и обществу, чудовищной по своим последствиям.

References

1. Afganskie uroki: Vyvody dlja budushhego v svete idejnogo nasledija A.E. Snesareva [Afghan lessons: Conclusions for the future in the light of the ideological legacy of A.E. Snesarev]. M.: Russkij put', 2003. 896 s.
2. *Budakov V.V.* General Snesarev na poljah vojny i mira [General Snesarev on the fields of war and peace]. M.: Veche, 2014. 512 s.
3. *Ganin A.V.* Arhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival and investigative case of military scientist A.A. Svechin. 1931–1932] // Vestnik arhivista. 2014. № 2 (126). S. 260–272; № 3 (127). S. 261–291.
4. *Ganin A.V.* Zagadka staroj fotografii [The mystery of old photography] // Saryj Cejhgauz. 2014. № 1 (57). S. 35–37.
5. *Ganin A.V.* «Znaju, chto slezy meshajut Vam chitat' moi stroki...» Lagernaja sud'ba komkora S.A. Pugacheva v pis'mah ego tovarishha [«I know that tears prevent you from reading my lines...» The camp fate of commander S.A. Pugachev in the letters of his comrade] // Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. 2018. T. 25. 1937 god. S. 151–154.
6. *Ganin A.V.* «Klim!.. Mozhno bylo by zamenit' Snesarevu vysshuju meru...» Vydajushhegosja voennogo uchenogo i otca shesteryh detej sdelali glavoj voennogo zagovora v Krasnoj armii [«Klim!.. It would be possible to replace Snesarev with the highest measure...» An outstanding military scientist and father of six children was made the head of a military conspiracy in the Red Army] // Rodina. 2018. № 3. S. 122–125.
7. *Ganin A.V.* Kompleksdokumentov po delu vsesojuznoj voenno-oficerskoj kontrrevoljucionnoj organizacii «Vesna» kak istochnik po istorii russkogo oficerstva poslerevoljucionnogo perioda [A set of documents on the case of the All-Union military officer counterrevolutionary organization «The Spring» as a source on the history of Russian officers of the post-revolutionary period] // Vestnik arhivista. 2016. № 4 (136). S. 225–240.
8. *D'jakov Ju.L., Kolodnikova L.P., Bushueva T.S.* Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarhicheskie, nacionalisticheskie i kontrrevoljucionnye partii i organizacii v SSSR: ih dejatel'nost' i otnoshenija s vlast'ju (1920–1931 gg.). Po dokumentam VChK —

- OGPU [The protest movement in the USSR (1922–1931). Monarchical, nationalist and counterrevolutionary parties and organizations in the USSR: their activities and relations with the authorities (1920–1931). According to the documents of the Cheka – OGPU]. M.: Prometej, 2012. 332 s.
9. *Zhdanova Ja.A.* Svirlag. 1931–1937. SPb.: Renome, 2021. 264 s.
  10. *Zdanovich A.A.* Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja armija: Dejatel'nost' organov VChK – OGPU po obespečeniju bezopasnosti RKKa (1921–1934) [State security bodies and the Red Army: The activities of the VChK – OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921–1934)]. M.: Kuchkovo pole, 2008. 800 s.
  11. *Murav'eva M.J.* Zakljuchennye Svirlaga [The Prisoners of The Svirlag]. SPb.: Renome, 2022. 434 s.
  12. *Murav'eva M.V.* Svirlag. 1931–1937. SPb.: Renome, 2021. 360 s.
  13. *Onegina S.V.* Delo «Russkogo nacional'nogo sojuza» [The case of the «Russian National Union»] // Kentavr. 1994. № 6. S. 91–105.
  14. *Snesarev A.E.* Jethnograficheskaja Indija [Ethnographic India]. M.: Nauka, 1981. 279 s.
  15. *Stojubina N.Ju., Psihotehnik N.V.* Petrovskij: otkryvaja zanovo [Psychotechnik N.V. Petrovsky: rediscovering] // Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija. 2015. № 6. S. 86–111.
  16. *Tabo-Godi A.A.* Losev. M.: Molodaja gvardija, 2007. 534 s.
  17. *Tinchenko Ja.Ju.* Golgofa russkogo oficerstva v SSSR 1930–1931 gody [Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931]. M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2000. 496 s.
  18. *Tumshis M.A., Zolotarev V.A.* Evrei v NKVD SSSR. 1936–1938 gg. Opyt biograficheskogo slovarja [Jews in the NKVD of the USSR. 1936–1938. The experience of a biographical dictionary]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Universitet Dmitrija Pozharskogo, 2017. 848 s.

Ключевые слова:

репрессии 1930-х гг.; архивно-следственные дела; аресты военных; дело «Весна»; дело «PHC»; А.Е. Снесарев

Andrey V. Ganin

«There is so Much Grief...»
Military Scientist A.E. Snesev
and the Repressions of the Early 1930s

Based on documents from Russian and foreign archives, which have been introduced for the first time into scientific circulation, this article examines the course and details of the case of a prominent Russian military scientist, Lieutenant General Andrei Evgenievich Snesev (1865–1937). In the early 1930s, Snesev was arrested in connection with the so-called «Russian National Union» case and later became a key defendant in the «All-Union Military Officers’ Counter-Revolutionary Organization», also known as the «Spring Case». Between the autumn of 1931 and the autumn of 1934, he was incarcerated in camps. A personal decision by Joseph Stalin commuted his death sentence. Subsequently, all charges against Snesev were dropped and his arrest and imprisonment reversed. He was fully rehabilitated, but the events surrounding his arrest and conviction continue to be a subject of historical debate. Imprisonment and time in prison and camps was a difficult experience for Snesev and significantly undermined his health, leading to his death. The arrest had a negative impact on the training of Red Army command personnel and Soviet military science, as it prevented a major military scientist from continuing his active scientific work, with his significant contributions on several issues remaining unpublished. Analysis of the investigative documents related to Snesev allows us to understand the methods used by the OGPU in fabricating conspiracies related to the Russian National Union and the «Spring» cases.

Keywords: Repressions of the 1930s; Archival Investigative Cases; Military Arrests; «The Spring» Case; the «RNS» Case; A.E. Snesev

Andrey V. Ganin – D.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
 andrey_ganin@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-8602-1990. SPIN-code: 1144-9875

Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 Института славяноведения Российской академии наук
 (Москва, Россия)

ORCID: 0000-0002-8602-1990

SPIN-code: 1144-9875

andrey_ganin@mail.ru